

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Наталья Александрова

Мальтийская
ГОЛОВОЛОМКА

ЭКСМО

Наталья Александрова
Мальтийская головоломка

«Автор»

2008

Александрова Н. Н.

Мальтийская головоломка / Н. Н. Александрова — «Автор»,
2008

Полина Моргунова чувствует себя отвратительно: любимый муж погиб в аварии, да и сама она пострадала. Забиться бы в угол, и чтобы никто не трогал! Так нет же. Похороны, полное безденежье, а до вступления в наследство пока далеко. Заместитель мужа Волованов клянчит ключи от сейфа, якобы желая спасти важные бумаги от налоговой проверки. Только Полина разобралась с этим, эстафету принял зануда-следователь: донимает ее расспросами... В довершение ко всему вдова узнает удивительные вещи – вроде бы Илья и не Илья вовсе! А кто же тогда тот человек, с которым молодая женщина прожила три счастливых года? Пора сходить с ума или... докапываться до истины самостоятельно...

Наталья Александрова

Мальтийская головоломка

– Осторожнее! – услышала она рядом встревоженный шепот. – Обопритесь на меня!

Твердая рука придержала ее за локоть, потому что Полина едва не упала, поскользнувшись на скользкой тропинке. На дворе теплый май, а на кладбище сыро и пахнет плесенью. Могильщики с трудом несут тяжелый гроб, один даже чертыхнулся тихонько. Полина поняла это по губам, поскольку вот уже три дня все происходящее видится и слышится ей как сквозь толщу воды. Иногда ей кажется, что стоит оттолкнуться ногами и вырваться на поверхность, и тогда исчезнут мрачное кладбище, и все люди со скорбными лицами, и могильщики, суесящиеся вокруг гроба. И сам гроб исчезнет, зато появится ее муж Илья – живой и здоровый. Но тут же набегают тяжелые мысли, и Полина говорит себе, что ничего уже не изменится, что Илья погиб в автокатастрофе и что она сама выжила буквально чудом. Выжила и почти не пострадала, если не считать ушиба головы, от которого она плохо слышит и плохо соображает. И еще из памяти выпал момент аварии. Она вообще не помнит, куда и зачем они ехали с Ильей, помнит только, как садились в машину и муж проверил, пристегнулась ли она ремнем безопасности.

Ее снова повело, и та же твердая рука придержала ее.

– Мужайтесь, Полина Сергеевна, – опять раздался шепот, – надо все преодолеть.

Она скосила глаза, чтобы посмотреть, кто с ней рядом. Ах да, замдиректора фирмы... как его... Волованов... имени не вспомнить. Хотя они встречались раньше несколько раз на вечеринках по случаю Нового года или дня рождения фирмы.

– Уже близко, – поймал ее взгляд мужчина, – вон она, могила.

Полина вытянула шею и увидела ряд свежих холмиков, присыпанных грязно-желтой землей, на которых лежали подувядшие цветы. С краю зияла пустая яма.

Скорей бы все кончилось...

Волованов так и стоял возле нее, так что, когда окружающие предметы начали расплываться перед глазами, он не дал ей упасть. Тут же подскочила вертлявая женщина с жидкими короткими волосами и губами, по-старомодному покрашенными бантиком, и сунула Полине под нос ядовито пахнущую ватку. Как ни странно, помогло – голова перестала кружиться, даже слух слегка прорезался. И в глазах стало яснее. Настолько, что Полина заметила взгляд сильно покрашенной брюнетки, стоявшей напротив. Взгляд был откровенно ненавидящим, Полина едва сдержалась, чтобы не пожать плечами.

Волованов деликатно освободил свою руку и вышел вперед, чтобы хорошо поставленным печальным голосом сказать, каким замечательным человеком был Илья Андреевич Моргунов и как все сотрудники фирмы сожалеют о его безвременной кончине. Брюнетка оторвала взгляд от Полины и уставилась на Волованова. Просто ела его глазами! Остальные сотрудники слушали невнимательно. Народу присутствовало человек тридцать, все сотрудники и люди, знавшие мужа по работе. Родственников не было. Полина понятия не имела о мужниной родне, он никогда ни о ком не рассказывал, только сказал, что родители давно умерли.

После Волованова говорила та самая вертлявая тетка с бордовыми губами бантиком. Она представилась сотрудницей бухгалтерии и долго рассказывала, как все любили Илью Андреевича и какой он был замечательный директор фирмы – строгий, но справедливый. Еще двое промямлили пару слов, и общество выжидающе уставилось на Полину.

– Зарывать, что ли? – рявкнул потерявший терпение могильщик, и Полина махнула рукой.

Хватило сил нагнуться и бросить горсть земли на крышку гроба, после чего она с благодарностью оперлась на руку Волованова.

Могильщики споро закончили свою работу.

– Хозяйка, надо бы на помин души! – сказал бригадир, снимая запачканные землей варежки.

Полина сунулась в кошелек и достала последнюю тысячу. «Надо завтра же снять деньги с карточки», – мелькнула мысль.

Поминки в кафе были долгими и унылыми. Волованов не отходил от Полины и все подливал и подливал ей водки.

– Надо помянуть... – бормотал он. – Ну как же не помянуть-то...

Мымру из бухгалтерии развезло, она плакала и все порывалась расцеловать Полину размазанными бордовыми губами. Накрашенная брюнетка оказалась всего-навсего секретаршей. С чего ее так разбирало, Полина не поняла.

Наконец ужасный день закончился. Полина хотела взять такси, но Волованов сказал, что довезет ее до дома. У подъезда она поблагодарила его и собралась уходить, но он задержал ее руку в своей и сказал, что поднимется выпить чашку кофе, а то, дескать, тоже принял на поминках и боится ехать дальше. Голова у Полины болела от усталости и выпитого, слишком поздно вспомнила, что врач советовал ей некоторое время воздержаться от спиртного. У нее не нашлось слов, чтобы отказаться от нежелательного визита. Да ладно, в конце концов, Волованов выпьет кофе и уйдет. Только заваривать его будет сам.

В квартире стояла унылая тишина и был жуткий беспорядок – Полина эти три дня не могла заставить себя разложить вещи по местам. И на кухню она даже не заходила, после недолгого пребывания в больнице думать о еде не хотелось. Все время было заполнено какими-то хлопотами, звонили и приходили разные люди, и каждый что-то от нее хотел.

Волованов закрыл входную дверь и совершенно преобразился. По-хозяйски ступая, вошел в прихожую, помог Полине снять пальто и повесил его в шкаф.

– Можете не переобуваться, – сказала Полина, пытаясь намекнуть, что принимать гостя собирается недолго.

– Спасибо, – улыбнулся мужчина. – Что может быть смешнее человека в темном костюме, при галстуке и в домашних шлепанцах?

Она не ответила, скидывая в это время туфли, поскольку усталые ноги требовали незамедлительного отдыха. Тапочки ее были голубые, с пушистыми помпонами, и Полина сочла их слишком легкомысленными. Но искать другие было лень, и она пошла на кухню босиком.

– Хорошая квартира, – сказал Волованов, топая за ней, – и кухня такая приятная.

На кухне в раковине кисла стопка грязных тарелок, плита была в жирных разводах, а на шторах отчего-то собралась пыль. Полина понятия не имела, кто все это устроил. Квартира потеряла хозяина, а хозяйке было не до уборки, так что приятной кухню никак нельзя было назвать.

Волованов по-хозяйски распахнул дверцы кухонного шкафчика и выудил оттуда чашки и баночку кофе.

– Простите, я забыла ваше имя... – слабым голосом сказала Полина.

– Александр Николаевич, – любезно улыбнулся гость, – но вы можете называть меня просто Саша.

Она отвернулась, слегка поморщившись от неуместности его игривого тона. Волованов сделал вид, что ничего не заметил.

– Понимаете, Полина, – говорил он, наливая кофе, – сдается мне, что нам с вами сейчас нужно держаться вместе. Во-первых, я готов утешать вас и поддерживать морально столько, сколько потребуется. Не скрою, фирма переживает сейчас не слишком хороший период...

– Муж ничего не рассказывал мне о своих делах! – прервала его Полина, ей надоел этот бессмысленный якобы светский разговор.

– Дорогая, я все понимаю! – Волованов порывисто взял Полину за руку, для чего ему пришлось привстать со стула, поскольку они сидели друг напротив друга.

Полина руки не отняла, потому что представила себе, как уморительно, наверное, выглядит сейчас Волованов сзади. Еще интересно, сколько он сможет простоять на полусогнутых... Однако тому, видимо, упорства было не занимать, и Полина сдалась первой.

– Прошу меня извинить, – сказала она по возможности твердо, – но я сегодня очень устала и хотела бы остаться одна.

– Я понимаю! – Волованов вскочил, с грохотом опрокинув стул. – Разумеется, такое горе... Но поймите и вы меня, я не могу уйти, не поговорив с вами серьезно! Завтра может быть поздно!

– Да что вы хотите от меня в такой день и час? – вскричала Полина, в свою очередь, вскочив со стула.

– Девочка моя, я понимаю ваше состояние! – Волованов бодро обежал стол и подошел к Полине так близко, что она почувствовала его дыхание. – Выслушайте меня! Илья Андреевич был... очень хорошим руководителем, мы все его очень любили...

«Врет, – поняла Полина, заглянув в его глаза, находящиеся совсем рядом, – наверняка он Илью терпеть не мог и теперь мечтает занять его место».

Она подалась назад и все отступала и отступала, пока не уперлась спиной в подоконник.

– Вы должны мне верить, – бормотал Волованов. – Илья Андреевич был бы очень расстроен, если бы фирма пропала. И потом, это в ваших интересах, ведь фирма теперь достанется вам. Но понимаете, нужно быть очень осторожным и... у вас мало опыта...

– Да о чем вы говорите? – вскричала Полина, отталкивая от себя навязчивого типа, брызжущего слюной ей в лицо. – Что вы хотите конкретно от меня?

– Конкретно я хочу, чтобы вы передали мне ключи от личного сейфа Ильи Андреевича, – ровным голосом ответил Волованов.

– Но у него не было никакого сейфа!

– Здесь – может быть, а в офисе – был, уж поверьте мне на слово, – тем же деловым тоном продолжил Волованов. – И там хранились очень важные документы, которые не должны попасть в чужие руки. Ну, договоры с поставщиками, еще кое-что. Если соответствующие органы про них узнают – как бы чего не вышло. То есть фирму постигнет такой удар, что она вряд ли сможет оправиться. Так что в ваших интересах...

– Да погодите вы! – Полина отмахнулась от его слов, как от назойливых мух. – С чего вы взяли, что те самые соответствующие органы должны заинтересоваться? Ведь в смерти Ильи нет ничего криминального – несчастный случай, авария на шоссе...

– Ну, не будьте такой наивной! – Волованов всплеснул руками. – Сейчас начнутся внеочередные налоговые проверки и всякие прочие безобразия. И если у милиции появится хоть малюсенькое подозрение, что авария не совсем обычная... А ведь тот микроавтобус скрылся с места происшествия, его ищут...

– Какой микроавтобус? – Полина прижала руки к вискам, которые внезапно сильно заложило. – Я ничего не помню...

– И не надо напрягаться... – Волованов отнял ее руки и заглянул ей в лицо. – Доктор же сказал вам, что память вернется постепенно. Полина, я хочу вам помочь! Пока суд да дело, пока вы будете вступать в наследство, пройдет много времени. А там – ищи-свищи ветра в поле, многие возможности будут упущены. Поверьте, я на вашей стороне!

Назойливый скрипучий голос лез через уши прямо в большую измученную голову, проникал через все сосуды в самую середину мозга. Полине казалось, что его сверлят тупым сверлом.

– Но почему вы решили, что ключи должны быть у меня? – проговорила Полина полупшепотом.

– Потому что на теле ключи не были обнаружены, – ответил Волованов, – я проверял.

Полина отогнала от себя видение – он жадными руками обшаривает карманы покойного мужа. Скорей всего, замдиректора перебрал те вещи, которые выдали ей в морге. Но как он посмел?

Это был последний всплеск возмущения. Внезапно Полине все стало безразлично, только хотелось, чтобы ее оставили в покое хотя бы до утра. Она прошла в кабинет Ильи и открыла ящик письменного стола, где он хранил всякие мелочи.

– Вот они! – Волованов оттолкнул ее и схватил связку ключей с брелочком из молочно-белого стекла.

Одеваясь, он не переставая бормотал о том, что все будет хорошо и что Полина всегда может на него рассчитывать, он всецело на ее стороне и готов предложить ей свою помощь и защиту. Если бы Полина не была так измотана, она обязательно спросила бы назойливого типа, что он, собственно, имеет в виду. От кого ее надо защищать и что собой представляет другая сторона, кто на ней против Полины? Та самая жгучая брюнетка-секретарша? Судя по ненавидящим взглядам, она не питает к Полине добрых чувств.

Но сейчас не хватало сил ни на что. Даже чтобы принять душ, когда неприятный гость наконец ушел. Полина бросилась на кровать в спальне, сразу провалившись в тяжелый, тревожный сон.

Спала она долго. Временами просыпалась, смотрела на светлую полоску, пробивающуюся из-за занавесок, и снова зажимала глаза, заталкивала себя в сон, чтобы не напознали воспоминания. А когда окончательно очнулась, оказалось, что на часах всего только половина десятого. Голова, как ни странно, была достаточно ясной, исчезли шум в ушах и пелена перед глазами.

«Хватит прятать голову в песок, – подумала Полина, – пора признать, что Ильи нет и нужно жить самостоятельно».

Что ж, ей не привыкать. Они были женаты меньше трех лет, а до того пришлось повидать всякого.

Полина вздрогнула под теплым одеялом. Неужели возможен возврат к прошлому? Ну, теперь до такого дело не дойдет. Нет, такое просто невозможно. У нее есть удобная комфортабельная трехкомнатная квартира, есть деньги. Есть фирма мужа, наконец. Что там вчера болтал этот... как его... Волованов? Конечно, она ничего не понимает в делах фирмы, так, может, действительно прибегнуть к его помощи? Разумеется, просто так никто ничего не станет делать. Может быть, предложить Волованову партнерство?

Она подавила в душе мощное сопротивление возникшей идее – Волованов вызывал у нее сильнейшее недоверие. Уж очень суетился вчера, уж очень юлил, уж очень много говорил. Вот Илья никогда не болтал попусту, был серьезен и немногословен. Вообще мало рассказывал о себе. О его детстве и юности она не знает совершенно ничего. Кажется, у него была жена, с которой он развелся задолго до знакомства с Полиной. Какое это сейчас имеет значение?

Она привыкла доверять мужу, он сумел создать для нее вполне приличную спокойную жизнь. В их отношениях не было безумной любви. И ревности тоже не было, она со своей стороны никогда не давала повода. Была ли Полина счастлива с Ильей? Наверное... Впрочем, сейчас уже неважно.

Илья был солидным ответственным человеком, как ей казалось. Решения принимал всегда верные, руководил фирмой успешно. И сказал ей как-то с улыбкой, но она знала, что серьезно:

– Не волнуйся, детка, я тебя обеспечу.

Она обняла его и абсолютно искренне ответила, что ничего не хочет менять в их жизни, что ей с ним хорошо и спокойно и ничего больше не надо.

– Все может случиться, – ответил муж, – ведь я старше тебя на двадцать лет. Так что не бойся, бедствовать ты не будешь.

Она благодарно потерлась щекой о его плечо, и на том разговор о серьезных вещах был закончен.

Полина почувствовала, как по щекам побежали непрошеные слезы. Не годится сидеть и реветь: слезами горю не поможешь, и Илья от них не воскреснет.

Под теплыми струями душа она пыталась как-то спланировать свое существование. Первое: привести себя в порядок. Второе: разгрести, хотя бы отчасти, завалы в квартире, а то противно в ней находиться. И третье: снять деньги с карточки, а то в кошельке пусто.

Взглянув на невымытые кофейные чашки, оставшиеся с вечера, Полина поняла, что кофе ей совершенно не хочется. В холодильнике засыхал сыр, купленный ею еще для Ильи, ветчину она выбросила вчера. Илья не был капризным в еде, просил только, чтобы в доме не было магазинных котлет и сосисок, полуфабрикатов, а также замороженных овощей и консервов. Полина умела готовить – в ее богатом событиями прошлом ей многому пришлось научиться. Яичницу на завтрак муж тоже не признавал. «Ты бы еще пельмени из пачки отварила», – бросил он как-то в раздражении в самом начале их совместной жизни. Впрочем, такое с ним случилось нечасто, угодить ему оказалось достаточно легко.

Морозилка была до отказа забита мясом, которое вряд ли пригодно для завтрака. Молоко скисло, зелень завяла, единственный помидор заплесневел. Было такое чувство, что продукты тоже переживают потерю хозяина квартиры. Полина разбила на сковородку два яйца и перемешала все, обильно посыпав солью и перцем. К чаю полагалось бы сделать гренки с сыром, но было лень, поэтому Полина заварила чай покрепче и положила два куска сахара.

После еды стало полегче, и она сообразила, что деньгами следует заняться в первую очередь, вот только кухню сначала немножко прибрать. Убирая кофейные чашки в посудомойку, она не удержалась и взглянула на засохшую гущу. Такая уж у нее была привычка – гадать на кофейной гуще, Илья часто над ней подсмеивался.

В ее чашке был полный туман. Какие-то разводы, похожие на кучевые облака. Полина вертела чашку так и этак, наконец разглядела две параллельные полосы – не то лыжня, не то дорога. Полосы терялись вдаль, и больше ничего не было.

В чашке у Волованова картина оказалась интереснее. Явственно просматривалась лежащая фигура, над ней нависал кто-то в балахоне. В руке не то палка, не то нож. Волованова скорее напоминает лежащая фигура...

Полина тут же спохватилась, что занимается ерундой, а время уходит. Хотя куда теперь спешить? Но, как выяснилось буквально через час, спешить было куда.

Она слегка накрасилась, прихватила волосы заколкой, чтобы выглядеть поскромнее, но с негодованием отбросила черный брючный костюм. На улице весна и теплынь, а она вырядится таким чучелом. Еще шляпку с вуалью нацепить не хватало!

В последний момент она бросила взгляд на рекламный календарь, что висел на кухне, и задумалась. Какое же сегодня число? Илья погиб третьего мая, в выходной. И куда они все-таки ехали? Нет, не вспомнить, никак не вспомнить...

Хоронили через три дня, шестого, стало быть, сегодня седьмое мая. Муж был организованным человеком, переводил ей деньги на карточку раз в месяц до десятого числа. Из этих денег она брала на хозяйство и покупала себе кое-какую одежду и разные мелочи. Крупные покупки муж финансировал отдельно, на Новый год или на день рождения обычно дарил шубу, машину...

И вот теперь у Полины возник животрепещущий вопрос: успел или не успел муж перевести деньги? Скорей всего, не успел, но надо надеяться на лучшее. Потому что денег у нее на карточке осталось совсем немного: накануне той поездки за город Полина купила кое-что

к лету – легкую воздушную юбку, пиджачок, босоножки. Зачем это все сейчас, для кого наряжаться...

Полина быстро-быстро провела пальцами по ресницам, чтобы смахнуть некстати набравшие слезы. Пора брать себя в руки, нельзя распускаться.

С другой стороны, если денег на карточке нет, то нужно подстраховаться. Она глубоко вздохнула и пошла в кабинет мужа, где в старинном секретере лежал сверток, который ей дали в морге, – все ценные вещи, что были у Ильи при себе: разбитые часы, обручальное кольцо, ключи от дома и бумажник, разорванный и замазанный кровью. Паспорт и водительские права забрала милиция. И документы на машину тоже. А карточки – вот они, в бумажнике. Полина с трудом вытасила одну, Илья разрешал иногда пользоваться ею, так что она знала код.

Выйдя из подъезда, она привычно свернула к стоянке, но тут же одернула себя. Разбитую машину Ильи забрала милиция, сказали, что вернут не скоро: будут проводить какие-то следственные эксперименты. Да и все равно на ней ездить нельзя – сильно побита. Сама Полина уже два месяца была без машины: муж собирался подарить ей новую на день рождения и продал ее «Пежо» – подвернулся выгодный покупатель. Но ту машину, которую Илья выбрал, пока не пригнали – у фирмы возникли какие-то проблемы на таможне. Ничего, она дойдет до банкомата пешком, тут недалеко.

Банкомат у метро порадовал мало – на карточке лежало восемьсот рублей двадцать копеек. Как она и думала, муж не успел перевести ей ежемесячную сумму. Полина отчего-то оглянулась по сторонам и достала карту мужа. Карточка никак не хотела входить в прорезь. Что за черт? Ведь банкомат должен принимать «Визу». Трясущимися руками Полина попробовала нажать – никакого эффекта.

Она перешла дорогу – там, позади супермаркета, находился офис Бета-банка, банкомат стоял прямо в холле. Та же проблема...

Полина заставила себя успокоиться и вошла в офис. Самым спокойным голосом обратилась к девушке за стойкой, у которой на бейджике имелась надпись «Софья», и протянула ей карту.

Та сделала с ней что-то – Полине не было видно, – потом спросила, кем Полина приходится владельцу карты Илье Моргунову.

– Это мой муж, – заторопилась объяснить Полина. – У нас общий счет, я знаю ПИН-код...

– Карта повреждена и не может быть использована в банкомате, – любезно ответила девушка. – Поскольку владельцем является ваш муж, он должен прийти с паспортом и написать заявление, тогда ему выдадут новую карту.

– Но он... он не может прийти, он умер! – дрогнувшим голосом сказала Полина.

– Умер? – С лица девушки сползла любезная улыбка. – Тогда вы должны переоформить счет на себя. Это можно сделать быстро, если у вас на руках есть завещание мужа в вашу пользу. Если же нет, придется ждать полгода.

– Полгода? – вскричала Полина. – Да вы что, шутите?

– Я на работе, какие уж тут шутки. – Теперь в голосе сотрудницы банка не было и тени любезности. – Таков закон, и больше я ничего не могу вам сказать.

– Черт знает что! – Полина вышла, хлопнув дверью.

В бумажнике было еще две карточки – Банка Санкт-Петербург и Балтийского (Полина даже не знала, что у мужа есть в них счета), но похоже, что там будет та же самая история – попросят показать завещание, и только тогда можно будет говорить о переоформлении вклада на свое имя.

Приходилось признать, что положение у нее аховое. Муж не держал дома наличных денег, это Полина знала точно. Значит, нужно просмотреть его бумаги, поискать завещание.

Она купила в ларьке на углу упаковку апельсинового сока и пачку сосисок, а потом заскочила в пекарню и попросила у девушки два бублика с маком. Бублики были теплые, Полина едва сдержалась, чтобы не вонзить зубы в один прямо на улице.

Еще из-за двери она услышала мелодичное треньканье телефона и нарочно двигалась медленно, чтобы звонивший отчаялся и повесил трубку. Не хотелось больше слушать фальшиво-сочувствующие слова, не хотелось отвечать на них скорбным голосом и благодарить за заботу.

Но, как видно, человек попался упорный, телефон все звонил. Полина вошла в квартиру, сняла трубку и услышала торопливый, запыхавшийся голос:

– Полина Сергеевна, это Сусалина.

– Кто? – довольно невежливо откликнулась Полина.

– Сусалина, Галина Евгеньевна, из бухгалтерии. Мы встречались вчера на похоронах...

Понемногу до Полины дошло, что ей звонит та самая вертлявая тетка с губами, украшенными бордовым бантиком. Ей-то что нужно?

– Я хотела сказать... – Голос бухгалтерши стал глуше. – Я хотела предупредить вас... Никому не давайте ключи от сейфа Ильи Андреевича! Дело в том, что там, я точно знаю, хранится большая сумма денег, наличные. Я сама видела буквально перед тем, как он...

– Деньги? – удивилась Полина. – Но ведь...

Она вспомнила, как вчера заместитель мужа... как его... Волованов буквально заклинал ее отдать ему ключи.

– Полина Сергеевна, вы должны приехать лично и ознакомиться с делами, – шептала тетка. Полина чуть ли не воочию увидела, как она прижимается ртом к трубке и губы оставляют бордовый след на мембране. – Сами понимаете, наличные деньги – такая вещь, которую нельзя надолго оставлять без присмотра...

Бухгалтерша не назвала никаких имен, но было ясно, что она не считает заместителя Ильи, Волованова, человеком, заслуживающим доверия. Намек был ясен.

– Все очень серьезно, – бормотала бухгалтерша, – эти деньги... они... но я не могу по телефону. Вы должны сами во всем разобраться!

– Благодарю вас... – растерянно протянула Полина, – я...

Но в трубке уже пикали короткие гудки.

Полина аккуратно вставила трубку в гнездо, потом посмотрела на свои руки. Пальцы явственно дрожали. Дрожь поднималась изнутри, пришлось даже сжать зубы, чтобы они не стучали.

– Черт! – Полина бросилась на кухню и залпом выпила стакан воды. – Черт, черт...

Приходилось признать, что ее обвели вокруг пальца. Не зря этот мерзкий Волованов обхаживал ее вчера так долго и тщательно. Ему нужны были ключи от сейфа. Если уж даже мымра из бухгалтерии не поленилась позвонить и предупредить Полину – совершенно постороннего ей человека, стало быть, всем в фирме известно, что Волованов – жулик. Да и кто откажется от денег, когда их хозяин ничего уже не сможет потребовать? Кот из дому – мыши в пляс!

И она, Полина, не придумала ничего лучше, как собственными руками вручить подлецу Волованову крупную сумму. Поднесла, можно сказать, на блюдечке с голубой каемочкой! Расслабилась от хорошей жизни, жила за Ильей как за каменной стеной, он взял на себя все бытовые проблемы. А других у нее не было...

Вода не помогла. Тогда Полина прошла в кабинет мужа и достала из секретера бутылку французского коньяка. Глядя, как янтарная жидкость наполняет хрустальный стакан, она ощутила некоторое успокоение. Сейчас полегчает, уйдет противная дрожь и многие, если не все, проблемы покажутся не такими ужасными. Но как же она так прокололась?

И ведь чувствовала же, что нельзя Волованову доверять! Просто хотелось поскорее от него избавиться. На что мерзавец и рассчитывал, заболтал ее бесконечными разговорами, споил...

Полина вспомнила, как он заботливо подливал и подливал ей водки на поминках, как у нее болела голова и ныло сердце – она же хоронила мужа. Хотелось забыться и чтобы ушла из сердца боль хоть на короткое время... Забылась! Забылась настолько, что как полная дура отдала Волованову то, чего он добивался так упорно...

Полина схватила стакан и вылила коньяк в раковину. Нет уж, сейчас ей нужна ясная голова. Ярость трансформировалась в холодную злость, и она решила немедленно ехать в фирму мужа. Возможно, удастся приструнить Волованова и выцарапать у него хоть часть тех денег.

Она распахнула шкаф и перебрала одежду. Нет, вчерашний черный костюм не пойдет, однако нужно соблюдать приличия. К тому же невредно напомнить Волованову и всем в офисе, что она – вдова. Какое ужасное слово...

Полина выбрала черную кожаную курточку и укороченные брюки. Под куртку надела тонкий черный свитер, потому что солнце ушло и, кажется, собирался дождь. «Все же получилось мрачновато», – отметила она, глядясь в зеркало. Поколебавшись немного, Полина переделалась в блузку из плотного шелка цвета топленого молока. Может, кто-то и сочтет ее легкомысленной, но так лучше. Илья всегда говорил, что у нее хороший вкус!

Выйдя на улицу, Полина снова по привычке свернула к стоянке, рассердилась на себя и подняла руку. Возле нее тут же остановилась машина, выглянул наглый тип с масляными глазами и маленькими наглыми усиками, пропел:

– Куда едем, красавица?

– На Васильевский, – строго проговорила Полина, чтобы поставить наглеца на место.

– Пятьсот! – процедил тот, почувствовав ее совершенно не игривое настроение и сразу оценив ее внешний вид как платежеспособный.

Полина хотела уже сесть, но вспомнила о скудном содержимом своего кошелька и отрезала:

– Какие пятьсот? Здесь ехать всего ничего... Двести.

– Двести?! – Возмущению водителя не было предела. – На троллейбусе поезжай! За двести я тебе и дверцу не открою!

– Ну и пошел к черту! – Полина шагнула в сторону.

– Ладно, – смягчился водитель, – так и быть, садись... за триста доведу.

– Какие триста? Я сказала – двести, и ни копейки больше! – разозлилась Полина. – Ты, дядя, глухой, что ли?

– Жадная, да? – скривился водитель. – Ладно, садись. Такая приличная женщина, а торгуешься! Здесь тебе не базар...

Полина села на заднее сиденье и всю дорогу выслушивала недовольное ворчание водителя. Наконец они остановились возле серого здания в Тучковом переулке. Полина со вздохом пересчитала оставшуюся наличность, вытащила две сотенные бумажки, с сожалением отдала их водителю и подошла к входу в бизнес-центр.

Мрачный охранник проверил ее паспорт и впустил внутрь.

Полина поднялась на четвертый этаж и вошла в дверь с табличкой «Контекст». Хотя она и не бывала в фирме Ильи, название и фирменный логотип – змейка, составленная из разноцветных кубиков, – были ей хорошо знакомы: они украшали визитки мужа и всю канцелярскую продукцию в его кабинете – блокноты, ежедневники, листы писчей бумаги, фирменные ручки и карандаши.

Она оказалась в просторном серо-голубом холле, посередине которого красовалась та самая змейка из кубиков – логотип фирмы. Только здесь кубики были сделаны из голубоватого матового стекла и хромированного металла в лучших традициях стиля хай-тек.

За стойкой против двери сидел молодой парень с коротко стриженными рыжими волосами. С первого взгляда было ясно, что парень невыносимо скучает в пустом холле, сидя на стуле. Ему наверняка хотелось двигаться, разговаривать громко, хотя бы музыку послушать, но на работе не разрешалось. Даже нельзя было открыть окно, чтобы вдохнуть свежего воздуха, – все окна прочно заделаны стеклопакетами, и в помещении не работал кондиционер. И парень явно неуютно чувствовал себя в строгом офисном костюме и узком галстуке.

– Здравствуйте, вы к кому? – проговорил он с заученной вежливостью.

– К Волованову Александру Николаевичу, – отозвалась Полина, вспомнив имя-отчество заместителя мужа.

– А как вас представить? – Парень потянулся к внутреннему телефону.

– Полина Сергеевна Моргунова.

– Моргунова? – Парень удивленно захлопал рыжими ресницами, рука с телефонной трубкой зависла на полпути к уху.

Но Полина уже увидела впереди, через холл, дверь с табличкой «И. А. Моргунов». Поверх таблички была наспех наклеена картонка с другой надписью – «А. Н. Волованов». Она быстрыми шагами пересекла холл и толкнула эту дверь.

И тут же расстроилась: за стильным офисным столом из голубого пластика сидела та самая брюнетка, которая с такой ненавистью смотрела на нее во время похорон. Вот уж кого Полине сейчас совсем не хотелось видеть!

Как и вчера, на лице девицы было наложено едва ли не полкило косметики, только на похороны она надела черный костюм, а сегодня нацепила туго обтягивающий очень открытый малиновый джемпер. В треугольнике выреза поблескивала золотая цепочка с кулоном, уши оттягивали крупные массивные серьги, на правой руке был золотой браслет в виде свернувшейся змейки, а на левой – целых три узких золотых браслета.

– Вы к кому? – процедила брюнетка сквозь зубы, хотя мигом Полину узнала.

– А что, непонятно? – Полина окинула ее высокомерным взглядом, пытаясь сразу поставить на место. – К Александру Николаевичу, естественно. Это ведь, кажется, теперь его кабинет? А вы тут быстро обустроились!

– По какому вопросу? – прошипела секретарша, как гадюка, которой наступили на хвост.

– А вот это, дорогуша, тебя совершенно не касается! – отрезала Полина и двинулась к двери в глубине приемной, мимоходом удивившись, для чего Илья держал на работе такую стерву. Может, она хорошо умеет лаять на посетителей?

– Александра Николаевича нет! – взвизгнула секретарша, вскочив и бросившись наперерез. – У Александра Николаевича совещание! Александр Николаевич очень занят!

– Так его нет – или он занят? Ты уж, милочка, как-нибудь определись! – С этими словами Полина отодвинула брюнетку от двери и потянула ручку на себя.

Секретарша самоотверженно пыталась удержать линию обороны, но Полина собрала в кулак всю свою волю, оттолкнула ее в сторону и ввалилась в кабинет. Секретарша отлетела метра на полтора, так что браслеты зазвенели, но тут же бросилась следом.

Волованов сидел за массивным столом красного дерева, вальяжно развалившись, и вертел в руках золотую паркеровскую ручку. Увидев в дверях Полину, он уставился на нее, как баран на новые гаражные ворота, широко открыл рот, чтобы что-то сказать, но не нашелся и захлопнул рот с таким звуком, с каким в ночной тишине захлопывается дверца пустого холодильника.

– Александр Николаевич! – заблеяла за спиной Полины секретарша. – Я объясняла, что вы заняты! Я не пускала! Она буквально вломилась! Она буквально силой!..

– А... гм... все в порядке, – проямлил наконец Волованов, переводя взгляд с Полины на секретаршу и обратно. – Здравствуйте, Полина... ммм... Андреевна.

– Сергеевна, – поправила его Полина. – Если вы еще помните, я приходилась покойному Илье Андреевичу не сестрой, а женой.

– Конечно, конечно... – Волованов приподнялся из-за стола, указал ей на кресло. – Приживайтесь... всегда рад... только должен заранее извиниться – у меня сегодня...

– Совещание, – подсказала Полина, усмехнувшись, и села на стул с самым решительным видом.

– М-да... совещание... Так что вы хотели обсудить?

Полина повернулась лицом к секретарше и посмотрела на нее долгим неприязненным взглядом. Если она надеялась, что та от такого взгляда растает, как Снегурочка от любви, или рассыплется в порошок, то ее ожидания не оправдались: секретарша стояла на прежнем месте, делая вид, что ничего не понимает.

– Я хотела бы поговорить без посторонних! – произнесла Полина вслух то, что хотела сказать взглядом.

– Это кто здесь по... – начала было наглая брюнетка, но вовремя опомнилась и прикусила язык.

– Карина, оставьте нас, пожалуйста! – нехотя выдавил из себя Волованов слова, как остатки зубной пасты из тюбика. – И... кофе принесите...

Секретарша удалилась с таким видом, будто оставила любимого начальника в клетке, полной голодных львов. Или в яме, кишашей ядовитыми змеями. Хотя как раз она сама была больше всего похожа на гадюку. Или на гюрзу.

Едва дверь за секретаршей захлопнулась, глаза Волованова подозрительно забегали. Можно даже сказать, что они куда-то поехали.

Один знаменитый поэт написал, что глаза Петра Великого проносились по его лицу, как буксующий мотоцикл. Если сравнить с каким-нибудь транспортным средством глаза Александра Николаевича Волованова, то они поехали по его лицу, как детский велосипед «Орленок», на который взгромоздился неопытный малолетний велосипедист.

– Итак, я вас слушаю, – произнес Волованов, в то время как его глаза уехали в самый дальний угол кабинета.

– В день похорон Ильи, то есть буквально вчера вечером, вы заверяли меня, что я могу рассчитывать на вашу помощь, – взяла с места в карьер Полина. – Вот сегодня я и пришла к вам за... помощью.

– Непременно! – воскликнул Волованов, слегка привстав. – Лично я всеми силами! И всеми средствами! Это мой долг!

«До чего же отвратительный тип! – подумала Полина. – И почему Илья, такой ответственный и рассудительный, держал в заместителях такого неприятного человека?»

– Вот как раз о средствах... – перебила она Волованова. – Дело в том, что я осталась совершенно без средств. Все наличные, какие были в доме, ушли на похороны, и на карточке деньги кончились...

– Мой долг – оказывать вам всяческую моральную поддержку! – продолжал разливаться Волованов, как будто не слышал ее. – Стопроцентно и всенепременно...

Он глядел на нее пустыми оловянными глазами, взмахивал руками и казался заводной игрушкой, железным человечком. Вот сейчас кончится завод, и он остановится, замрет в самой нелепой позе – с поднятой рукой и открытым ртом.

– Вы меня не поняли, Александр Николаевич! – Полина повысила голос. – Мне нужна не моральная поддержка, а самая что ни на есть материальная. Думаю, что как наследница Ильи Андреевича я имею полное право...

Лицо Волованова мучительно скривилось, будто он раскусил лимон.

– Полина Сергеевна, – простонал он, – лично я – всеми силами! Всеми средствами! Всем, чем могу! Но фирма переживает сейчас трудные дни, и у нас совершенно нет свободных денег. Вы не представляете, какая сейчас неудачная конъюнктура в нашем секторе рынка! Буквально ни копейки! Я лично, как частное лицо и как, можно сказать, друг, готов чем могу...

Он вытащил из кармана красивый кожаный бумажник, раскрыл его и с детским удивлением уставился на содержимое: в бумажнике лежали три сотенные купюры и пара десяток.

– Чем могу! – повторил Волованов и протянул три сотни Полине. Но потом забрал одну из них, пояснив: – На дорогу до дома. У меня, видите, тоже деньги кончились... зарплата только завтра... сложное положение... семья, понимаете... маленькие дети...

Полина вспомнила, как ей рассказывали про человека, который специально носил в кармане два бумажника: один – с деньгами, а другой – совершенно пустой, который он показывал друзьям, если те просили у него в долг. Наверняка сообразительный Волованов применил сейчас то же ноу-хау.

– Александр Николаевич! – проговорила Полина, пытаясь сдержать негодование. – Я вовсе не хочу отобрать последние деньги у вас и у ваших маленьких детей. Тем более что детей у вас нет, иначе ваша секретарша не питала бы никаких надежд на вашу благосклонность. И двести рублей вряд ли решат мои проблемы. Я рассчитывала на что-то более существенное. Вчера, когда вы заходили ко мне...

– Полина Сергеевна! – перебил ее Волованов, сложив руки. – На что вы намекаете? Я – заходил к вам? Я человек женатый, и никаких шашней на стороне...

– Кто говорит о шашнях? – На сей раз Полина не сдержалась и повысила голос: – Побойтесь бога, я только что похоронила мужа! Так вот, когда вы зашли ко мне, я отдала вам ключи от сейфа. А насколько я знаю, в сейфе находилась большая сумма наличных...

– Кто вам сказал? – Волованов вскочил, выбежал из-за стола и забегал по кабинету. – Это клевета! Вас ввели в заблуждение! Я не знаю, кто такое мог сказать! То есть я знаю, откуда ветер дует!

Он отбежал в угол кабинета, схватился за голову, потом вернулся к своему столу, вытащил из верхнего ящика связку ключей и помахал ими в воздухе:

– Вот те самые ключи! Давайте не будем предаваться беспочвенным фантазиям, а просто возьмем и посмотрим...

Он развернулся к сейфу, вставил один из ключей в замочную скважину, повернул его, потом крутанул металлическую ручку и распахнул толстую дверцу.

Внутри сейфа уныло покоилась стопка документов. Никаких денег там, естественно, не было.

– Ну вот, вы видите! – с непонятым энтузиазмом воскликнул Волованов. – Что и требовалось доказать. Никаких денег нету. Это чей-то гнусный вымысел. Вы знаете, Полина... ммм... Сергеевна, я был бы удивлен, если бы там оказались деньги. Потому что финансовое положение нашей фирмы не таково...

– Да замолчите вы наконец? – оборвала его Полина. – За кого вы меня принимаете? За круглую идиотку?

– Я? Вас? – с трагическим пафосом воскликнул Волованов. – На что вы, собственно, намекаете? Я вас просто отказываюсь понимать! Просто отказываюсь!

– Зато я вас, кажется, отлично понимаю... – оборвала его словоизлияния Полина. Но договорить не успела – на столе у Волованова зазвонил телефон.

Тот схватил трубку, как будто от этого звонка зависела его жизнь, поднес к уху и залопотал:

– Слушаю... Нет, сейчас я освобожусь! Да, я уже заканчиваю! Да, буквально две минуты!

Полина, не дожидаясь конца разговора, вылетела из кабинета, хлопнув дверью. Причем едва не сбила с ног секретаршу, которая явно подслушивала. Мерзкая особа отскочила от двери

с кошачьим визгом. На ее лице было разлито несомненное злорадство, что придало Полине сил. Она вернулась в кабинет и снова села на стул возле стола Волованова.

Он покосился на Полину, понял по ее глазам, что она настроена серьезно, и нехотя положил трубку.

– Ты что же, гнида, думаешь, что все это сойдет тебе с рук? – тихо спросила Полина. – Думаешь – расселся в кабинете как хозяин, так сразу владельцем фирмы стал? Думаешь, обманул бедную женщину в день похорон ее мужа, залез в сейф, хапнул денежки – и все путем? Я все-таки законная жена Моргунова и рано или поздно наследую фирму. Так что ты не зарывайся!

Глаза Волованова забегали, как огоньки в игральном автомате, – очевидно, он в уме делал прикидку, как выгодней сейчас себя вести. Вот глаза остановились и уставились на Полину.

«Нужна мне твоя фирма! – говорили его глаза. – Пока ты разберешься, я уже слиняю с деньгами. Ищи потом ветра в поле!»

Однако Волованов тут же опомнился и приказал глазам молчать. Очевидно, открытая конфронтация пока в его планы не входила.

– Полина Сергеевна! – вновь залопотал он. – Я понимаю, вы нервничаете, такое горе... Еще свежа ваша утрата, мы, сотрудники фирмы, скорбим вместе с вами... Вы успокойтесь, надо только пережить, все наладится...

Открылась дверь – секретарша внесла одну порцию кофе на маленьком подносике. Судя по выражению лица, она положила в чашку вместо сахара цианистый калий.

– Выпейте кофейку, – хлопотал Волованов, – отдохните...

Полина вскочила с места.

– Небось холодный принесла? – процедила она брюнетке.

– Уж какой есть, – ответила та наглым голосом.

– А вот мы сейчас проверим... – вскричала Полина, схватилась за цепочку на шее мерзкой девицы и потянула на себя.

Брюнетка завизжала, но руки у нее были заняты подносом, так что вцепиться в волосы Полине она никак не могла. Полина ловко подхватила чашку и вылила кофе в вырез малинового джемпера.

Кофе и вправду был негорячий, потому что секретарша заорала не от боли, а от злости. Возможно, ей было жалко джемпер. Да еще браслеты свалились с ее руки, и Полина мстительно на них наступила.

Волованов сидел за столом, не делая попыток помочь своей секретарше и урезонить Полину. А та в два шага пересекла приемную и выскочила в холл.

Около стойки дежурного она увидела вертлявую тетку с бордовым бантиком губ, которая мелькала вчера на похоронах, и метнулась к ней. Но тетка, едва заметив Полину, кинулась прочь, как от зачумленной. Поскольку Полина загораживала проход к кабинетам, тетка ускользнула в то единственное помещение, которое оказалось доступно, – в комнату, на двери которой красовался красноречивый женский силуэт.

Полина, оглянувшись на рыжего парня за стойкой, юркнула следом за вертлявой теткой.

Та спряталась в одну из кабинок, но ее выдавало шумное дыхание.

– Галина Евгеньевна, ведь это вы мне звонили? – проговорила Полина, остановившись перед кабинкой.

– Ничего не знаю! – донесся из кабинки сдавленный голос. – Оставьте меня!

– Но ведь вы хотели мне помочь... – еще раз попыталась установить контакт Полина. – Вы были правы... я очень зря доверилась Волованову... я отдала ему ключи от сейфа, и сейчас там нет никаких денег...

– Уходите! – затравленно прошипела из-за двери бухгалтерша. – Я никому не звонила, ничего не видела и ничего не знаю! И вообще – мне не нужны неприятности!

Последние слова заглушил громкий шум льющейся воды. Полина убедилась, что больше ничего не добьется, и направилась к двери, думая, какой ужасный контингент подобрал себе в сотрудники ее покойный муж. По дороге ей попала синтетическая швабра с желтой пластмассовой ручкой. Повинуясь порыву, Полина схватила швабру и заклинила ручкой дверь кабинки. Вот славно получилось! Пускай-ка мырма из бухгалтерии посидит там подольше и подумает о своем поведении...

Голова, как ни странно, не болела, последствия ушиба прошли. Полина чувствовала себя удивительно бодрой и полной сил. И злости. Но не той бешеной, слепой ярости, которая застилает глаза кровавым туманом, когда человек не осознает себя и готов крушить все подряд (такое состояние в судебных протоколах называется аффектом). Нет, в душе Полины царил ровная холодная злость. Самое интересное, что злиться нужно было главным образом на себя. Но свои собственные ошибки Полина признала еще до похода в фирму покойного мужа, теперь же самым умным было признать, что сила пока не на ее стороне, и успокоиться. А что касается Волованова и остальных сотрудников «Контекста», то Полина посчитается с ними после. Всех уволит, а первую – секретаршу. Тут она вспомнила, как от злости щеки наглой девки отливали малиновым, под цвет джемпера, а сам джемпер от кофе стал мерзкого бурого цвета, и настроение сразу улучшилось.

На улице шел легкий дождик, а Полина, как водится, забыла дома зонт. Когда передвигаешься не на своих двоих, а на четырех колесах, зонтик не нужен, он перестает быть предметом первой необходимости. Однако сейчас Полина не стала брать машину, поскольку денег в кошельке оставалось катастрофически мало. Этак и еду скоро не на что будет купить! Нужно скорее попасть домой и отыскать наконец в бумагах Ильи завещание или хоть какой-то намек на изъятие его последней воли.

Быстрая ходьба, выяснила Полина опытным путем, способствует снятию напряжения. Поездка в метро оказалась познавательной – выяснила, что за три года Полина не растеряла необходимых навыков и, как и раньше, прекрасно умеет толкаться и следить за сумкой.

В квартире все было по-прежнему. Уходя, Полина распахнула все форточки, но все равно пахло чем-то затхлым и противным. Наверное, так пахнет человеческое горе.

В кухне она успела малость прибраться, и посудомойка за время ее отсутствия выполнила свою работу, так что сейчас в помещении можно было находиться. Полина ощутила зверское чувство голода – очевидно, организм так реагировал на стресс. Она бросила в кастрюлю четыре сосиски и откусила бублик. Он остыл и по вкусу напоминал резину. Сосиски сварились. Полина нашла в холодильнике полбутылки кетчупа и сама удивилась размеру своей радости. Запив сосиски холодным апельсиновым соком, Полина перевела дух и отправилась в кабинет мужа, чтобы начать утомительные поиски завещания.

Минут через сорок она плюхнулась на диван в полном отчаянии. Не нашлось никакого намека на завещание. В ящиках стола валялись разные мелочи – дареные ручки и зажигалки, ежедневники и записные книжки, сломанные карандаши и брелоки для ключей. В одном, правда, лежала стопка бумаг, и Полина было обрадовалась, но там оказались только документы на квартиру и машину. А еще свидетельство о браке, какие-то никому не нужные удостоверения, несколько любительских фотографий да просроченный пропуск в бассейн. И больше ничего. Полина в злости вывалила все прямо на пол, но необходимого так и не нашла.

Она посидела немного на диване, чтобы успокоиться, и выкурила сигарету, хотя давно бросила. Илья сам не курил и не любил запаха дыма в доме.

«Обещал, что обеспечит, – горько подумала Полина, – а сам оставил ни с чем...»

И тут же устыдилась своих мыслей – муж погиб, его только что похоронили, а она думает лишь о деньгах. Он не заслуживает такого отношения. Нужно съездить еще раз в офис фирмы и поискать в сейфе. Волованов, конечно, подлец, но не идиот, он не станет скрывать от нее

завещание, оно ему не нужно. Даже если завещания нет, она как-нибудь протянет полгода – продаст что-нибудь, на работу устроится. А там все устаканится. Родни у Ильи не осталось, никто не станет претендовать на наследство.

Полина приободрилась и направилась на кухню выпить чаю, как вдруг в прихожей мелодично запел сигнал домофона. Неужели снова явился Волованов? Она подошла к двери, сняла трубку и спросила как можно строже:

– Кто здесь?

– Полина Сергеевна, – донесся из трубки негромкий вкрадчивый голос, – это Казимир.

– Казимир? – Полина недовольно поморщилась.

Казимир появился у них в доме примерно год тому назад, когда Илья решил обставить свой кабинет настоящим антиквариатом.

Полина любила свою квартиру и с удовольствием занималась ее обустройством. Муж все одобрял – и нежно-сиреневую спальню, и просторную светлую гостиную с большими комнатными растениями в кадках. Мебель в гостиной была под светлый орех, а стены – золотистые, окна выходили на запад, так что во второй половине дня комната казалась до краев наполненной солнечным светом. И только кабинет Ильи пожелал обставить по собственному вкусу. Он терпеливо дождался, когда Полина закончит отделку кухни и ванной, согласился с ее концепцией холла (светло-серые стены и металлические светильники сложной формы), а потом заявил, что в своем кабинете он хочет видеть настоящую старинную мебель, никакого новодела! Полина не стала спорить – в конце концов, деньги его, человек имеет право...

Тогда-то один из деловых знакомых дал мужу телефон Казимира, сказав, что тот знает всех серьезных антикваров города и может достать все, что угодно, хоть луну с неба. Казимир оказался скользким тщедушным типом неопределенного возраста, с маленькими бесцветными глазами и таким вороватым выражением лица, что Полине захотелось немедленно выставить его из квартиры.

– Илья, – сказала она мужу, едва Казимир вышел за дверь, – у него же на лице написано, что он жулик и прохиндей!

– Да брось, детка, – отозвался Илья с беззлобным смешком. – Казик совершенно безобиден. И может быть очень полезным. Все знакомые отзываются о нем неплохо. А что у него такое лицо... Разве он в том виноват? Нельзя судить о человеке по внешности! Внешность бывает обманчива!

Казик появлялся снова и снова. Говорил он тихо и вкрадчиво, и в его речи постоянно звучали непонятные, завораживающие слова: маркетри, интарсия, волюта, жирандоль, бидермейер, кассоне, жакоб... Илья, кажется, «заразился» от него – начал говорить на том же таинственном языке. Более того, он даже начал понимать эти слова и пытался объяснить их Полине. Полина запомнила, что интарсия – это украшения на мебели из дерева ценных пород, слоновой кости или бронзы. Но дальше ее познания не пошли.

Полина старалась не встречаться с Казимиром, за глаза называла его козявкой и возмущенно фыркала при его появлении. А Казимир, казалось, не замечал ее недовольства. Он продолжал появляться в их доме, и каждый раз вместе с ним появлялись красивые старинные вещи – сначала письменный стол восемнадцатого века с цветными интарсиями, работы знаменитого мастера Давида Рентгена, потом полукруглый секретер красного дерева с вставками из северского фарфора, диван и два кресла с резными ажурными спинками в стиле Хепплауайта.

Илья не хранил дома большого количества бумаг и в антикварном секретере устроил бар для особо ценных напитков. Когда кабинет был обставлен, посещения Казимира стали редкими и наконец совершенно прекратились, к большой радости Полины.

Поэтому сейчас она была удивлена, услышав его голос.

– Это Казимир! – снова донеслось из трубки. – Впустите меня, мне обязательно нужно с вами поговорить!

Первым побуждением Полины было послать Казимира подальше. Но затем ей пришло в голову, что он, скорее всего, пришел, чтобы выкупить у нее старинную мебель из кабинета мужа. Конечно, он захочет нажать на ее некомпетентности и даст за мебель гораздо меньше настоящей цены. Но деньги ей были нужны до зарезу, причем как можно скорее, так что она решила согласиться на любую цену.

– Заходите, Казимир! – проговорила она, нажав на кнопку входа.

Через минуту Казимир уже звонил в дверь.

Полина открыла ему и удивленно попяtilась: вместе с ним в квартиру ввалились четверо здоровенных мужиков в спецовках. Потеснив ее, мужики разом заполнили прихожую и топтались, выжидаяще оглядываясь на Казимира.

– Казимир, в чем дело? – испуганно воскликнула Полина, прижавшись спиной к стене. – Что за люди с вами?

– Грузчики, – холодно отозвался тот и махнул рукой в направлении кабинета. – Давайте выносите, только очень осторожно... Не дай бог, что-нибудь поцарапаете! Я с вас шкуру спущу!

– Да что, мы разве первый раз? – отозвался бригадир, и грузчики потопали в кабинет.

Полина метнулась вперед, попыталась загородить дорогу, но огромный детина легко отодвинул ее в сторону, как отодвинул бы стул или табуретку.

– Казимир, что, в конце концов, происходит? – взмолилась Полина, кинувшись к вороватому торговцу и схватив его за лацканы плаща. – Это что – ограбление?

– Да что вы! – невозмутимо отозвался тот, осторожно освобождаясь от ее рук и вынимая из-за пазухи какие-то листки. – Я только забираю свое имущество...

Двое грузчиков уже несли по коридору диван «Хепплуайт».

– Как – свое? Вы же продали мебель Илье. Продали!

– Вещи не были окончательно оплачены, – холодно продолжил Казимир, разворачивая перед ней бумаги. – Ваш муж внес за них только аванс. А по условиям договора купли-продажи, если они не будут полностью оплачены до такого-то числа, они возвращаются к продавцу, то есть ко мне...

– Как – возвращаются? – Полина чувствовала, как земля уходит у нее из-под ног. Она схватила листки, попыталась читать, но буквы прыгали у нее перед глазами, гарцевали, как цирковые лошади, и никак не хотели складываться в слова. Наконец она с трудом разобрала – «возвращаются к продавцу...»

Неужели правда?

– Между прочим, по условиям договора возврат производится за счет покупателя, но я решил пойти вам навстречу и сам оплатил транспорт и бригаду квалифицированных грузчиков. Кстати, перевозка и погрузка стоят довольно дорого, так что вы должны оценить мои добрые намерения...

Она же предупреждала Илью! Говорила ему, что противный человечек – вор, а он не послушал ее...

– Пошел прочь! – выкрикнула Полина и набросилась на Казимира, молотя его кулаками. – Пошел прочь вместе со своими... добрыми намерениями! Забирай свое барахло, и чтобы я тебя больше никогда не видела!

– Да, глупо ждать от людей благодарности, – со вздохом произнес Казимир, заслоняясь от ударов и отступая к двери. – Константин, вы знаете, что выносить!

И он благоразумно скрылся, а грузчики продолжали выносить антикварные игрушки Ильи.

«Ну и черт с ними! – думала Полина, провожая мрачным взглядом уплывающий на лестницу письменный стол. – Мне это барахло никогда не нравилось!»

– Хозяйка! – окликнул ее один из грузчиков, дотронувшись до руки. – Хозяйка, тут вот...

– Что такое? – Полина вздрогнула, подняла глаза. Грузчик стоял возле секретера и протягивал ей какой-то конверт:

– Тут вот из ящичка выпало... наверное, ваше...

– Из ящичка? – недоуменно переспросила Полина.

– Ну да. Там оказался потайной ящичек... – бубнил грузчик, показывая на боковую стенку секретера. – Мы нечаянно задели, он и открылся. Вы приберите, может, что нужное...

– Спасибо, – проговорила Полина и вымученно улыбнулась.

Через несколько минут грузчики исчезли. Она закрыла за ними дверь, заглянула в кабинет Ильи... Теперь, когда отсюда вынесли всю мебель, комната казалась какой-то изуродованной, выпотрошенной. И еще у Полины вдруг возникло ощущение, что у нее отняли последнюю память о погибшем муже... Илья так любил сидеть здесь, так тщательно подбирал каждый предмет мебели...

Она взглянула на конверт, который машинально сжимала в руке. Грузчик сказал, что он находился в потайном ящике секретера...

Полина поспешно вышла из оскверненного кабинета – находиться здесь не было сил. Прошла на кухню, заварила себе чай, села за стол и только тогда решила открыть конверт.

Она нарочно оттягивала это мгновение – ей было страшно. Какой еще сюрприз ее ожидает? А может быть, завещание Ильи, которое она безуспешно искала по всему дому?

Из конверта выпал листок, исписанный знакомым почерком Ильи, и еще какой-то тяжелый металлический шарик.

Александр Николаевич Волованов испытывал чувство удовлетворения.

Нельзя сказать, чтобы оно было, как когда-то писали в советских газетах, чувством глубокого удовлетворения. Так – средненьким оно было, такое испытываешь, отделившись от мелкой, но неприятной заботы.

Разговор с Полиной Моргуновой прошел на редкость легко. Вдова немножко побесилась – совсем чуть-чуть – и ушла. Обошлось без угроз, без обещания обратиться в милицию, в прокуратуру, в Организацию Объединенных Наций или в тамбовскую преступную группировку. Хотя, честно говоря, Волованов чего-нибудь такого ожидал. Нельзя сказать, что он подобных угроз так уж боялся – у него самого были связи, а в крайнем случае, можно откупиться, но без угроз как-то спокойнее.

Александр Николаевич посмотрел на часы. Рабочий день уже завершился, и можно отправляться домой. Домой или к Каринке? Хотя сегодня к Карине, пожалуй, не получится – у него важное дело. Да и Карина, наверное, не в настроении: злится на него из-за испорченного Полиной джемпера. Сама виновата, незачем себя так по-хамски вести, людей провоцировать.

Волованов задумался.

Вообще-то секретарша ему уже немножко поднадоела. Особенно ее манера в самый неподходящий момент спрашивать, когда он собирается наконец развестись с женой. И Волованов окончательно решил.

Он собрал портфель, вышел в приемную и на красноречивый взгляд Карины покачал головой: не сегодня! Та, конечно, нахмурилась. Рассчитывала, что в качестве утешения он поедет к ней и по дороге завезет ее в ювелирный магазин, чтобы компенсировать моральный ущерб. Ох, и любит баба разные цапки, просто патология какая-то!

Карина закусила губу, но промолчала: у них в офисе и стены имели уши. Да еще какие!

Волованов вышел на улицу, подошел к своей машине, нашарил в кармане брелок с ключами, нажал кнопку. Машина хрюкнула в ответ, приветливо подмигнула фарами. Он открыл дверцу, хотел сесть... и вдруг на его плечо легла тяжелая рука.

– Ну, здравствуй, Волованов! – проговорил слегка насмешливый голос.

Волованов дернулся, попытался сбросить руку... но она лежала на плече, холодная и твердая, как каменная рука Командора.

– В чем дело, товарищ? – проговорил Волованов неожиданно тонким голосом. – Я охрану вызову...

– Не вызовешь, – отозвался голос, и в бок Волованову ткнулось что-то еще более твердое и холодное, что-то отдающее машинной смазкой и мучительной смертью. Что-то, в чем Волованов шестым чувством узнал ствол пистолета.

– Ты садись, садись, Волованов! – проговорил незнакомец, слегка надавив на плечо Александра Николаевича своей тяжелой рукой. – Садись за руль, а я рядышком устроюсь. Только смотри без глупостей! Я этого не люблю...

Волованову и в голову не приходило что-нибудь подобное. Он так перетрусил, что едва соображал, на каком свете находится. Послушно усевшись на водительское место, он скосил глаза на своего страшного пассажира.

С виду человек как человек – короткая стрижка, светлые глаза, густые брови. Но в светлых глазах было что-то такое, от чего сердце Волованова ухнуло, как в детстве на качелях.

– Поезжай, Волованов! – приказал незнакомец.

– К... куда? – проблеял Александр Николаевич.

– Т... туда! – передразнил его пассажир. – Поезжай вперед, а там поглядим.

Волованов выжал сцепление, тронулся с места, влился в поток машин. Привычное занятие немного успокоило его. Он осмелел настолько, что снова покосился на страшного пассажира и осведомился:

– А вы по какому поводу?

К сожалению, голос его все еще предательски дрожал.

– А ты сам-то как думаешь, Волованов? – ответил незнакомец вопросом на вопрос.

– Понятия не имею! – проблеял Александр Николаевич.

В жизни он руководствовался простым правилом: как можно меньше говорить, как можно больше слушать. А научился ему от дяди, старого, прожженного махинатора, который многие годы ходил под угрозой тюрьмы, но так ни разу и не сел. «Прокурор все узнает от тебя, – говорил дядя. – Если ты сам ничего ему не скажешь, он ничего и не узнает».

– Понятия не имею! – повторил Волованов для большей убедительности.

– Врешь, имеешь! – отозвался пассажир и криво усмехнулся. Улыбка у него была опасная, волчья. После маленькой паузы он спросил: – Где деньги?

– К... какие деньги? – переспросил Волованов, и голос его снова задрожал.

– Т... такие! – снова передразнил его пассажир. – Те, которые остались после Ильи!

– Ничего не знаю! – выпалил Волованов, судорожно вцепившись в руль, отчего машина вильнула, едва не врезавшись в ехавший рядом белый «Форд». – Ни о каких деньгах не знаю! В глаза их не видал...

– Ты, Волованов, за дорогой-то следи! – прикрикнул на него опасный пассажир. – А лучше сверни на светофоре направо, там поспокойнее будет.

Волованов послушно свернул направо, оказавшись в тихом безлюдном переулке, в конце которого сквозь ажурную балюстраду просвечивала вода реки Смоленки.

– Притормози, Волованов! – распорядился пассажир.

Когда машина остановилась возле поребрика, он повернулся к Александру Николаевичу и прожег его волчьим взглядом.

– Ты что же, гаденыш, решил, будто деньги твои? – процедил он, оскалив длинные желтые зубы. – Деньги не только не твои, но и Илье покойному они не предназначались. Это, Волованов, специальные деньги для специальной надобности!

Он так выделил голосом слово «специальные», что по спине Волованова пробежали мурашки.

– Деньги, Волованов, предназначались для очень серьезных людей, – проговорил он медленно, с растяжкой, чтобы до Волованова слова его хорошенько дошли, как до несмышленного ребенка.

– Не знаю никаких денег... – повторил Александр Николаевич как заведенный. На щеках его выступили багровые пятна. – В глаза их не видел...

– Опять ты за свое! – вздохнул пассажир. – «Не знаю, не ведаю...» До чего ж ты непонятливый! Мне отлично известно: Илья, покойник, те деньги приготовил. И он не такой дурак был, чтобы в прятки с серьезными людьми играть...

– Я знаю! – выпалил вдруг Волованов. – Я знаю, куда девались ваши деньги!

Его посетила спасительная мысль. По крайней мере, именно такой мысль ему показалась.

– Вот видишь, как полезно подумать! – осклабился пассажир. – Подумал немножко – и вспомнил. Ой, молодец! Ну так куда же они подевались?

– Их вдова Моргунова прибрала, – прошептал Волованов, испуганно оглядевшись по сторонам. – Ключи от сейфа дома у Ильи были, вот она и постаралась. Наверное, ночью в офис пробралась, открыла сейф и забрала всю наличку!

– Вдова, говоришь? – удивленно выдохнул пассажир. – Нет, ну до чего же людей жадность доводит! Просто уму непостижимо!

– Точно вам говорю – она! – Волованов суетливо задвигал руками, глаза его забегали. – Надо ее прижать как следует – и баба все выложит! Правильно вы говорите – жадность до добра не доводит! Я как ее увидел – сразу подумал: такая ради денег на все пойдет!

– Ну ты и фрукт! – воскликнул пассажир, оглядев Волованова с брезгливым интересом, как необычное, но крайне неприятное насекомое. – Ну ты и фрукт! Ладно, Волованов, некогда мне с тобой разбираться, вылезай из машины!

– Зачем вылезай? Почему вылезай? – забеспокоился Александр Николаевич. Пустынное место, безлюдная набережная наводили его на самые неприятные мысли.

– Я сказал – вылезай! – рявкнул пассажир и щелкнул предохранителем пистолета.

– Сейчас... я сейчас... – проблеял Волованов и послушно выбрался из салона.

– И смотри – без фокусов! – Пассажир вылез следом, прижал к боку Волованова пистолет и подтолкнул его к набережной. – Шагай!

– Зачем? – Волованов опасливо покосился на спутника, затем перевел взгляд на свою машину. В его глазах промелькнуло какое-то странное выражение, не ускользнувшее от взгляда незнакомца.

– Затем! – отозвался тот и сильнее ткнул пистолетом в бок. – Ты ведь про деньги ничего не знаешь? А раз так, ты мне и на фиг не нужен.

– Что значит – не нужен? – Волованов взволнованно задышал. – Как – не нужен?

– Так. Не нужен – и все. Давай шагай к речке!

– Нет, постойте! – Волованов застыл на месте, завертел головой. – Вы без меня деньги не найдете! Ни за что не найдете! Я вам нужен! Я вам очень нужен!

– А с тобой, значит, найдем? Что-то я сомневаюсь...

– Не сомневайтесь! – льстиво забормотал Волованов и снова бросил странный взгляд на машину. – Не сомневайтесь, я вам помогу! Обязательно помогу!

– А ну, пошел обратно к машине! – страшный пассажир неожиданно переменял намерения.

Волованов, получив отсрочку, ужасно обрадовался и устремился к машине, как потрепанный штормом парусник устремляется к тихой гавани, окруженной берегом с пальмами и аккуратными белыми домиками. Однако он не успел сесть на водительское место. Пассажир остановил его перед машиной, схватил за шею и прошипел в самое ухо:

– Где они? Я, гаденыш, видел, как ты на свою машину поглядывал! Они у тебя тут, в машине, верно?

– Нет... нет... – проблеял Волованов, – не здесь...

– А я думаю, как раз здесь! – оборвал его бандит и ткнул ствол пистолета в незащищенный воловановский затылок. – Я считать не буду, мне некогда тратить время на такую ерунду. Если сию секунду не покажешь деньги – разнесу твою башку к чертовой матери!

Волованов икнул от ужаса, наклонился и поднял резиновый коврик под водительским сиденьем. Там, в углублении пола, уютно покоился пластиковый пакет с тугими банковскими пачками.

Несколько дней назад Волованов случайно заметил, как Илья Моргунов положил в свой сейф большую сумму наличных. Они, безусловно, были «черным налом», предназначенным для какого-нибудь отката или другой не предусмотренной законом выплаты. Такие деньги довольно часто проходили через руки Моргунова, и Волованов никогда о них особенно не задумывался. Лежат себе в сейфе – и пусть лежат. Но когда шеф погиб в автокатастрофе, Волованов вспомнил о лежащей в сейфе наличке, и его охватило странное щемящее чувство, похожее на неразделенную любовь. Ему страстно захотелось те деньги немедленно присвоить. Ведь они – черные, незаконные, неучтенные, значит, никто, кроме покойного шефа, про них не знает и искать их не будут. А даже если будут – все можно списать на мертвого Илью.

Во время похорон Волованов старательно обхаживал вдову Ильи и добился-таки своего – она, дурища, отдала ему ключи от сейфа. Александр Николаевич пришел в офис рано утром, когда там еще никого не было, достал деньги из сейфа, вынес их из здания и спрятал в своей машине. Позже он собирался отвезти их на дачу и спрятать в тайнике, оборудованном под полом гаража.

А до того, чтобы не привлекать к себе внимание, пришлось сидеть в офисе, мучаясь и представляя, как сейчас какой-нибудь случайный угонщик уведет его машину вместе с деньгами. Потом появилась дурища, вдова Ильи, и попыталась качать права. Оказывается, она откуда-то пронюхала про деньги. Раньше надо было думать! Поезд ушел, и рельсы заросли крапивой и лопухами!

К счастью, от нее довольно легко удалось отделаться, и Волованов уже в душе праздновал победу. Но тут, когда он меньше всего ожидал, появился ужасный человек с волчьим оскалом. И деньги, которые Волованов уже считал своими, уплывали из его рук...

С горьким, мучительным вздохом он достал пакет с деньгами и отдал его незнакомцу. Тот взял пакет, даже не переменявшись в лице, как что-то само собой разумеющееся, и наконец опустил пистолет, процедив сквозь зубы:

– Садись, Волованов!

Волованов устроился на сиденье, перевел дыхание. Конечно, он потерял деньги, их очень жалко. Но, по крайней мере, он сохранил свою жизнь...

Александр Николаевич снял машину с ручника, выжал сцепление... и вдруг почувствовал на себе взгляд страшного пассажира.

Он повернулся к нему и увидел его взгляд – нехороший, спокойный, каким смотрят на ненужную, обременительную вещь перед тем, как выбросить ее на свалку.

– Я ведь отдал вам деньги... – испуганно пробормотал Александр Николаевич.

– Еще бы ты не отдал! – Пассажир криво усмехнулся.

– Тогда зачем...

– А затем, что ты про деньги и думать не должен был. И даже про них знать не должен.

– Я и не знаю, – суетливо проговорил Волованов, – я уже забыл про них. Я их, можно сказать, не видел...

– Видел, видел! – отмахнулся тот. – Да ты, Волованов, к тому же меня видел. Вот уж что совсем нехорошо.

– Я никому... никогда...

– Верно – никому и никогда! – кивнул пассажир и внезапно ударил Волованова ручкой пистолета по затылку.

Волованов ткнулся лицом в руль. Свет перед его глазами померк.

Пассажир перевел машину на нейтралку и выбрался из нее. Захлопнув дверцу, он подтолкнул машину. К набережной улица заметно понижалась, и машина легко покатила вперед. Разогнавшись на спуске, она врезалась в хрупкую балюстраду, пробила ее и рухнула в темную маслянистую воду. По воде разошлись круги, и все стихло.

Полина схватила листок. Руки ее дрожали. Она получила письмо с того света, от погибшего мужа...

«Девочка моя, если ты читаешь это письмо – значит, случилось то, чего я боялся, – писал Илья своим неровным, прыгающим почерком. – Я верю, что ты справишься, устоишь на ногах. Ты у меня сильная. Обратись к Ивану Приветнинскому (Дружба), он тебе все передаст...»

И все. Ни завещания, ни каких-то распоряжений или советов – как ей жить без него.

«Обратись к Ивану Приветнинскому...» – перечитала Полина.

Кто такой этот Иван? И что он должен ей передать? Может быть, он адвокат или нотариус, у которого Илья оставил свое завещание?

Фамилия Приветнинский совершенно ни о чем ей не говорила. Никого из друзей или компаньонов Ильи так не звали. И еще... одна странность – слово «Дружба» стоит в скобках. Что оно означает? То, что неизвестный Иван – старый друг Ильи? И почему слово написано с большой буквы? Впрочем, это могло быть ошибкой: Илья последнее время редко писал от руки, в основном все тексты набирал на компьютере или диктовал секретарше (Полина с неприязнью подумала о заразе-брюнетке), поэтому почерк его испортился и он часто делал ошибки.

Полина перечитала записку.

Судя по ее тексту, Илья чего-то боялся, подозревал, что с ним может случиться несчастье. Значит, авария, в которой он погиб, не была случайной? Недаром виновник аварии исчез с места происшествия! Но если Илья предвидел такой страшный поворот событий – почему же не оставил завещания?

Она снова попыталась вспомнить тот страшный день, вспомнить все, что предшествовало аварии.

Куда они ехали? О чем разговаривали с утра? Полина села на диван в гостиной, нагнулась к коленям и обхватила голову руками, как советуют делать при угрозе самолетной аварии.

«Вспомни! – заклинала она себя. – Пожалуйста, вспомни!»

Но в голове словно лежал какой-то черный ящик, скрывавший тайну того дня. Полина дернула себя за волосы, так что из глаз брызнули слезы. В памяти возникла картинка: вот она и Илья садятся в машину, муж напоминает, чтобы она не забыла про ремень безопасности, она послушно пристегивается... вот они едут за город – по сторонам мелькают деревья с едва проступающими светло-зелеными листочками. Ну да, авария ведь случилась на тридцать втором километре Приморского шоссе, гаишник говорил. И еще он сказал про микроавтобус, который врезался в их машину со стороны водителя и скрылся с места происшествия.

Полина еще и еще раз перечитывала записку Ильи.

Слово «Приветнинский» приковывало ее взгляд. Казалось, что с этим словом что-то связано, но... оно как будто находилось внутри того черного ящика...

Она встала, подошла к окну, машинально раздернула занавески, поглядела на улицу.

Дождь давно перестал, проглянуло мягкое вечернее солнышко, в его лучах сверкали мокрые стекла. На балконе противоположного дома стоял загорелый парень в красной открытой майке и курил. Где она видела похожего парня?

Полина высунулась в окно, рискуя вывалиться вниз, и вспомнила. Точно такой же парень, близнец этого, на балконе, только некурящий, стоял на заправке. Полина еще удивилась, когда он успел в начале мая так загореть – судя по внешнему виду, вряд ли он проводит время на курортах...

И вдруг в голове у нее будто щелкнул какой-то выключатель. Прозвучал голос Ильи: «До Приветнинского должно хватить».

Полина замерла, прислушиваясь к себе самой. Напрягла внимание, словно попыталась снова прокрутить пленку внутреннего магнитофона.

И в голове всплыл обрывок разговора: «На заправку надо заехать?» – это ее собственный голос. И в ответ голос Ильи: «До Приветнинского должно хватить, здесь всего шестьдесят километров. А вообще, давай заправимся – нам потом еще по городу ехать»...

Значит, Приветнинский – вовсе не фамилия человека. Это место – Приветнинское, то, куда они с Ильей ехали в день его гибели...

Полина вскочила, бросилась к книжному шкафу – к счастью, он был не антикварный и Казимир на него не польстился. На нижней полке нашла сложенную вчетверо карту Ленинградской области, развернула ее на обеденном столе, уставилась в верхнюю половину и почти сразу нашла неподалеку от Зеленогорска поселок Приветнинское. От северного края города до него действительно было примерно шестьдесят километров...

Так вот, значит, куда они ехали в тот роковой день! Но зачем? Чтобы повидать неизвестного ей Ивана, зачем же еще! Но ведь выходит, что Илья опасался чего-то, подобного аварии, беспокоился за свою жизнь. И ничего ей не сказал...

Полина прерывисто вздохнула и прижала руки к груди. Понемногу сердце успокоилось. Муж просто не хотел ее пугать. И повез в Приветнинское, чтобы показать дорогу к этому самому Ивану. Возможно, если бы они успели повидаться, он убрал бы записку из тайника.

Теперь хотя бы ясно, что ей надлежит сделать в первую очередь – повидать таинственного Ивана и выяснить у него все, что можно.

Надо же, похоже, Илья предвидел, что его дорогие сотрудники ничем ей не помогут, потому и оставил свои последние распоряжения у верного человека. Фамилии Ивана муж не назвал, написал только непонятное слово «Дружба». Причем в скобках. Что за дружба такая? Ладно, там, на местности, и будем определяться.

Но как? Полина задумалась. До Приветнинского нужно ехать по Приморскому шоссе, электричка туда не ходит. А ведь Полина сейчас без колес. Наверное, есть рейсовый автобус, но он наверняка редко ходит. Такси туда, конечно, не поедет, а если и поедет, то заломят несусветную цену, а у нее в кошельке едва наберется пятьсот рублей. И потом, она же не знает точного адреса, не гонять же таксиста по всей округе... В конце концов, можно попросить кого-нибудь из знакомых отвезти ее. Правда, подруг у Полины не было, она просто не могла себе позволить с кем-то близко общаться. Да и не хотела. Она не любила ночные клубы и рестораны. Илья тоже их не слишком жаловал, он много работал и любил отдыхать дома, в тишине. Знакомый... Но ему придется объяснять, для чего ее потянуло за город. И неизвестный Иван может быть недоволен, что она притащит с собой постороннего. И ничего ей не скажет. Просто не признается, что был знаком с Ильей.

«Нужна машина», – поняла Полина. Взять напрокат? Платить нечем. Однако можно попробовать обратиться к Лешке Копейкину...

И тут Полина схватилась за горящие щеки. Кира Яковлевна! Как же она про нее забыла? Единственный не то чтобы родной, а близкий ей человек, женщина, знавшая ее в детстве, хорошо помнящая ее мать... А она, Полина, не нашла трех минут, чтобы позвонить человеку и сообщить о своем горе. На похороны не позвала... Впрочем, Кира Яковлевна теперь редко выходит из дома, все же возраст – под восемьдесят, она все равно бы не пришла...

Полина плохо помнила свою жизнь в Петербурге, ее увезли отсюда трех лет от роду. В смутных и отрывистых детских воспоминаниях остались пыльный перрон, вокзальная суэта, она на руках у вкусно пахнувшей женщины с хорошо уложенными седыми волосами. Женщина очень высокая, потому что асфальт перрона далеко-далеко внизу. Маленькая Полина прижимается к женщине, потому что ей нравится запах духов и потому что погода вдруг неожиданно испортилась – солнце ушло за тучу, подул резкий холодный ветер. Мама, торопясь, достает из сумки свой свитер и напяливает его на Полину через голову, а та, испугавшись темноты, кричит на весь перрон:

– Ой, где я? Меня нету, я совсем пропала!

Кира Яковлевна просовывает Полинину голову в ворот свитера и целует в обе щеки, так что потом на щеках остаются следы ярко-красной помады. Полине они очень нравились, она полдороги не давала маме себя умыть. С тех пор они долго не виделись с Киной Яковлевной, потому что Полина с родителями жила в маленьком городке, который не на всякой карте есть. В Петербург они никогда больше с мамой не приезжали. О Кире Яковлевне напоминали только открытки. Красивые большие глянцевые открытки, на Новый год – с Дедом Морозом, красавицей Снегурочкой и заснеженными часами на Спасской башне, на Восьмое марта – с различными цветами. Весенних праздников было больше, открытки приходили чаще, Полина с мамой вырезали из них цветы, наклеивали на картон и делали красивый букет. Или пририсовывали корзину с длинной ручкой. Полина считала открытки подарками от бабушки, но мама объяснила, что Кира Яковлевна просто приходилась им раньше соседкой по квартире.

Мама умерла, когда Полине было шесть лет, и все последующее время девочка не любила вспоминать. Открытки от Киры Яковлевны приходили все реже. Иногда Полина писала ей сама. Потом связь надолго прекратилась, и только после замужества, когда Илья привез ее в Петербург, они встретились. Кира Яковлевна жила по-прежнему одна, в той же квартире. Она сильно постарела, но никогда не жаловалась на судьбу. Полина забегала к ней изредка, приносила что-нибудь к чаю, дарила мелкие подарки. Кира Яковлевна заменяла ей родню.

Полина подошла к телефону, раздумывая, как бы поделикатнее сообщить пожилому человеку о смерти Ильи, но аппарат затрещивал сам.

– Полиночка... – раздался в трубке вовсе не старческий, а твердый низкий голос. – Деточка, я уже четвертый день не могу до вас дозвониться! У тебя все в порядке, вы с Ильей здоровы?

Ну вот, Кира Яковлевна позвонила сама. Как чувствовала!

– Не... не совсем, – промямлила Полина. – Знаете, я, пожалуй, к вам приеду!

Пожилая женщина – вот умница! Все поняла, не стала ахать и спрашивать, что же такое случилось. Просто сказала «Жду!» и положила трубку.

Кира Яковлевна жила в старом доме на улице Рубинштейна, возле Пяти Углов. Полина прошла мимо знаменитого Театра Европы, перед которым, как всегда обсуждая очередную постановку режиссера Додина, роились завязтые театралы, свернула в знакомую арку и оказалась в большом круглом дворе.

Когда-то, до революции, это был доходный дом с приличными квартирами, которые занимала «чистая» публика – чиновники средней руки, владельцы магазинов в Гостином Дворе. О том времени говорили светлые просторные подъезды с полами, выложенными узорной плиткой, высокие окна, лестницы с коваными перилами. Но теперь в районе обитала в основном беднота, много было коммунальных квартир, что наложило на «жилой фонд» неизгладимый отпечаток. Кованые перила были местами проломаны, стены исписаны ненормативной лексикой и покрыты соответствующими рисунками, узорная плитка полов выщерблена. Но главное, подъезды навеки пропитались запахом подгоревшей еды и кислой капусты, запахом кошек и хлорки – одним словом, отвратительным запахом запустения и бедности.

Полина, стараясь не дышать, поднялась на четвертый этаж и позвонила в знакомую дверь.

Лет двадцать назад на этой двери, как на дверях тысяч питерских коммунальных квартир, висел целый иконостас звонков. Но понемногу жители квартиры расселялись, переезжали в спальные районы или, как сама Полина, в другие города, кое-кто из жильцов умер, так что сейчас на двери остались всего три звонка, по числу обитателей квартиры, и соответственно три таблички с фамилиями: «М. М. Подмишкин», «А. Копейкин» и «К. Я. Вишневская».

Едва Полина нажала на кнопку, за дверью послышались шаркающие шаги, скрип замков и засовов и дверь распахнулась.

Кира Яковлевна с возрастом заметно усохла, но все еще оставалась прямой и представительной женщиной. Она прижала к себе Полину, затем отступила, внимательно оглядела ее и проговорила:

– Выглядишь неважно. Ну ладно, пойдем в комнату, не в коридоре же нам разговаривать!

Полина следом за ней вошла в полутемную прихожую, едва не споткнувшись о сложенные стопкой автомобильные колеса. Прежде чем добраться до комнаты Киры Яковлевны, они миновали две запертые двери с висящими на них амбарными замками – собственность оборотистого Подмишкина.

Михаил Подмишкин, которого, само собой, и соседи, и случайные знакомые называли Мишкой Подмышкиным, в квартире почти не появлялся. Когда-то он занимал здесь самую маленькую комнатку возле кухни, но потом старейший обитатель квартиры, диктор радио Василий Никандрович Полубесов скончался, освободив светлую двадцатиметровую комнату, и Подмишкин помчался в райисполком, где предъявил целый ворох бумаг, которые доказывали, что его собственная комната совершенно непригодна для жилья. Кроме этих бумаг, Мишка принес начальству еще кое-что, так что вопрос был решен в его пользу, и Подмишкин стал владельцем двух комнат. Затем, когда маленькая Полина с матерью уехали в другой город, неутомимый Подмишкин снова понесся в исполком. На сей раз он по бумагам оказался многодетным отцом (хотя никто из соседей никогда не видел даже его жены) и вскоре получил третью комнату. Понемногу он завладел и остальной площадью, так что сейчас ему принадлежали пять комнат из восьми. Подмишкин очень гордился своей недвижимостью и вынашивал наполеоновские планы – хотел обменять свои пять комнат на пятикомнатную квартиру в новом элитном доме. Пока желающих на такой обмен не находилось, всех отпугивало мрачное окружение, но Подмишкин не унывал. На четыре двери он повесил замки, в одной комнате появлялся два-три раза в месяц.

Из трех оставшихся комнат две принадлежали Леше Копейкину и его жене Клавдии и одна – Кире Яковлевне Вишневской.

Соседей такое положение дел устраивало: Михаила никогда не было дома, и можно было пользоваться квартирой, не принимая его в расчет. В частности, Леша Копейкин держал в коридоре и на кухне автомобильные детали, колеса и прочие крупногабаритные предметы.

Кира Яковлевна открыла дверь своей комнаты и пропустила Полину вперед. Полина вошла и словно перенеслась в далекое детство, только в этой комнате ее посещали обрывки воспоминаний.

Обстановка в комнате Киры Яковлевны была самая простая – никакого антиквариата, никаких ценностей. Какой-нибудь знаток и ценитель поморщился бы при виде ее мебели и оценил все предметы интерьера презрительным словом «совок», но Полине здесь нравилось, она чувствовала уют и покой, исходящие от старых незамысловатых вещей.

Несколько простых венских стульев, покрытых связанными вручную чехлами, низкий диван, который когда-то назывался оттоманкой, круглый стол, небольшой книжный шкаф и массивный дубовый буфет – все было аккуратным, чистым, ухоженным. В комнате постоянно стоял приятный запах, составленный из аромата молотого кофе, корицы и свежеевыглаженного белья. На столе лежала белоснежная скатерть, оттоманку покрывал клетчатый плед. В книжном

шкафу стояли по большей части медицинские издания да еще коричневое собрание сочинений Льва Толстого – Кира Яковлевна перечитывала «Войну и мир» и «Анну Каренину» не реже чем раз в два-три года.

Всю жизнь она работала детским врачом, специализируясь на болезнях уха, горла и носа. Последние пять лет женщина по возрасту и состоянию здоровья уже не ходила на работу, но прежние коллеги иногда посылали к ней на дом сложных больных, поскольку Кира Яковлевна считалась замечательным диагностом.

Она никак не могла привыкнуть к платным медицинским услугам и всегда стеснялась, принимая деньги за консультацию. Да и брала до смешного мало, но эти небольшие деньги помогали ей вести привычную жизнь, особенно ни в чем себе не отказывая. Хотя потребности у нее были очень скромные.

Усадив Полину на оттоманку, Кира Яковлевна снова оглядела ее и спросила:

– Что случилось? На тебе просто лица нет...

И Полина вкратце, без особых подробностей, рассказала ей свою историю.

Кира Яковлевна откровенно расстроилась. Но она была человеком практичным, не стала впустую ахать и охать, а сразу заявила:

– Если тебе нужны деньги, я могу помочь. Ты же знаешь, я работаю, а расходы у меня небольшие...

– Конечно, спасибо вам за такое предложение, но неужели я дойду до того, чтобы брать у вас деньги! – вспыхнула Полина.

– Но ты же отдашь, как только сможешь, – спокойно ответила старуха. – Я не вижу ничего предосудительного...

Полина была очень смущена, но Кира уговорила ее, и она взяла совсем немного.

Кира Яковлевна принесла чайник, поставила две чашки с яркими петухами, керамическую вазочку с домашним слоеным печеньем. Полина дула на горячий чай, ломала хрупкую печенючку, и ей понемногу становилось легче.

– А что ваш сосед? – спохватилась она, допивая вторую чашку. – Он дома?

– Мишка? Ты же знаешь, он бывает здесь очень редко.

– Да нет, Леша Копейкин! Мне бы надо попросить у него машину... – И она, снова не вдаваясь в подробности, рассказала, что собирается съездить в Приветнинское.

– Леша, кажется, дома, – озабоченно проговорила Кира. – Но ты же знаешь его характер...

Характер у Лешки был сложный. Иногда он был вполне терпимым, даже отзывчивым, но случались и трудные минуты, когда к нему не стоило приближаться. Короче, все зависело от настроения, от погоды, от размера полученной им премии и от расположения звезд.

– Что делать, попробую. Попытка не пытка! – Полина вздохнула и отправилась к соседу.

Из Лешкиной комнаты, как всегда, доносился громкий звук от включенного телевизора. Тем не менее хозяин услышал стук и открыл Полине.

– О! Полька-бабочка! – вскричал он. И шутливо поклонился. – Наше вам с кисточкой!

Обращение следовало понимать так, что настроение у Копейкина хорошее и он встречает Полину как родную – пивом и вялеными кальмарами. Причина хорошего настроения выяснилась довольно скоро – оказалось, что «Зенит» выиграл какой-то важный матч.

В случае проигрыша Копейкин был бы зол и мрачен, называл бы Полину Аполлинарией и пил не пиво, а водку, причем никого не собирался бы угощать.

– О, заходи! – бурно обрадовался Алексей. – Хочешь, пивка налью?

Вообще, у Копейкина были в жизни три главных увлечения: пиво, футбол и машина. Еще у него имелась жена Клавдия, но она занимала в его душе далеко не главное место.

Леша снял со стула пустую канистру из-под бензина и пододвинул его гостье. Все свободное место в его комнате было занято автомобильными деталями, посреди комнаты красовался старый аккумулятор, рядом с ним – проколотое колесо.

Жена Копейкина Клава в эту комнату не заходила, чтобы не расстраиваться. Она жила во второй комнате, где навела порядок – купила импортную мебель, развела герани разных цветов и, как могла, радовалась жизни. Благодаря такому разумному разделению жизненного пространства супруги Копейкины почти никогда не ссорились и жили, можно сказать, душа в душу.

– Да нет, спасибо, – смущенно проговорила Полина. – Извини, нельзя...

– За рулем, что ли?

– Вот я к тебе как раз по этому поводу. Понимаешь, моя машина в ремонте, а нужно съездить за город по делу... Нельзя ли у тебя «девятку» одолжить?

– Машину?! – Копейкин изменился в лице. – Отдавать машину в чужие руки все равно... все равно... – Он хотел сказать: все равно, как отдать постороннему человеку собственную жену, но подумал немного и понял, что машина ему гораздо дороже. А если быть до конца откровенным, то жену у него никто никогда не попросит – кому она нужна-то... Однако такие мысли Леша держал при себе.

– Лешечка, ну мне очень-очень нужно! – взмолилась Полина. – Да я совсем ненадолго, за полдня обернусь...

Копейкин почесал в затылке, еще немного подумал и решился. В конце концов, живем во время рыночных отношений и даже самым дорогим можно иногда поступиться. Если, конечно, цена будет подходящая.

Кроме того, на носу было трагическое событие – день рождения жены Клавдии, которая наверняка ждет от супруга подарка. А у него, как назло, совершенно не было денег – все потратил на ремонт машины. И в паркетной мастерской «Уют», где он работал паркетчиком-укладчиком, зарплата ожидалась не раньше конца месяца.

А Клавдия – она такая: вроде и не особенно пилит, не вяжется с разными пустяками типа уборки, но если не сделать ей на день рождения какой-нибудь стоящий подарок, может здорово испортить ему жизнь. Начнет ныть, что он про нее забыл, что она вообще зря за него вышла, что ее мама была права, когда предостерегала ее от опрометчивого брака с таким уродом, как Леша, но она вот вышла себе на горе и отдала ему лучшие годы жизни, а за нее сватались такие люди, такие люди...

Между прочим, чистое вранье. Кто там за нее сватался? Олигарх, что ли? Уж прямо... Но спорить с женой по данному вопросу Леша никогда не решался – можно и цветочным горшком по лбу схлопотать.

– Пятьсот баксов, – решительно проговорил он и хлопнул рукой по столу.

– Леш, возьми себя в руки! – охнула Полина. – Да твоя машина и вся-то таких денег не стоит!

– Ну, двести, – сбавил Копейкин. – Но это – последняя цена, больше ни за что не сбавлю. Дешевле мне гордость не позволяет.

– Да разве можно со своих драть? Нету у меня таких денег!

– Свои, не свои – разговор пустой. Сама знаешь, все теперь решает экономика. Нету денег – значит, нету машины.

– Ох, ну что же делать... – Полина пригорюнилась и сцепила руки безнадежным жестом.

И тут Копейкин с интересом уставился на ее руки. Точнее, на левую руку. Он наклонил голову набок и округлил глаза, сделавшись похожим на сороку, которая приглядывается к какой-то соблазнительно блестящей вещице.

– Ты что, Леш? – удивленно спросила Полина.

– Да вот колечко у тебя красивое... – проговорил Леша, склоняя голову на другой бок. – Давай по бартеру – я тебе машину на день, а ты мне это колечко!

Мысль у Копейкина была простая: подарит он Клавдии красивое колечко, и день рождения пройдет без скандала.

Полина грустно взглянула на кольцо, сняла его с руки.

Колечко было скромное, с маленьким аметистом. Она сама покупала его до замужества... А Илья на свадьбу подарил серьги с бриллиантами и кольцо. Больше у Полины ничего не было, она не слишком любила разные побрякушки.

– Ладно, держи.

– Только бензином сама заправишь! – выторговал Леша, протягивая ей ключи от машины.

Секретарша Волованова Карина пришла на работу в обычное время. Она придирчиво осмотрела себя в зеркале, слегка подправила макияж и приступила к главному утреннему ритуалу – заварке кофе.

Кофе следовало заварить к четверти десятого – именно в это время обычно появлялся в офисе Александр Николаевич Волованов. Точнее, Сусик, как называла его Карина в часы (или минуты) интимной близости.

Правда, в последнее время такие минуты становились все более редкими. И вообще, Карина была Воловановым недовольна: он все уклонялся от разговора о разводе. А вчера вообще сбежал, не захотел поехать к ней, в их любовное гнездышко.

Нет, если дело и дальше так пойдет, он может вообще сорваться с крючка. А Карина очень рассчитывала при помощи Волованова поправить свое семейное и материальное положение. В конце концов, зря, что ли, она терпит его ужасные привычки, слушает его храп и выполняет многочисленные прихоти?

Кофе был уже готов, а Волованов все не появлялся.

– Холодный будешь пить! – мстительно прошептала секретарша, покосившись на дверь и зло позвонив браслетами.

Однако когда Александр Николаевич не появился и к десяти часам, Карина начала волноваться. Она теребила золотую цепочку – не ту, что порвала вчера мерзкая жена Моргунова, а другую, тройного плетения, напоминающую золотую веревочку. Затем, оставив в покое цепочку, принялась крутить на пальцах кольца – все пять. Некоторые сотрудницы дамского пола пытались намекнуть Карине, что такое количество колец является лишним и браслет хорошо бы носить только один, а уже если цепочка, то можно и без браслета обойтись, но она в ответ лишь пренебрежительно фыркала – что бы они понимали, старые кошелки! Карина безумно любила золотые украшения. Любила и бриллианты, но их ей пока еще никто не дарил. Однако Карина не теряла надежды, что бог пошлет ей богатого и щедрого мужа, который обеспечит ей тот уровень жизни, которого она заслуживает.

Однако, как гласит народная пословица: на бога надейся, а сам не плошай! Карина была полностью согласна с сим постулатом и давно и целеустремленно окучивала заместителя директора фирмы, в которой работала, – Волованова. Не то чтобы она считала его самым подходящим кандидатом в супруги... Просто с самим директором выходил пустой номер – он был женат на молодой и привлекательной женщине, и Карина здраво рассудила, что просто та своего муженька не отдаст.

После гибели Ильи Андреевича Волованов дал понять всем сотрудникам, что хозяин в фирме теперь он, и Карина сильно приободрилась. Она решила окружить Волованова тройной заботой и всевозможными ласками, чтобы он понял: с ней будет счастлив, как ни с какой другой женщиной.

Сегодня, однако, время шло, а объект ее желаний все не появлялся.

Как известно, люди делятся на две основные категории: на тех, кто работает, и тех, кто соблюдает трудовую дисциплину. Есть, конечно, и такие, кто не делает ни первого, ни второго, но они в уважающих себя фирмах надолго не задерживаются.

Так вот, господин Волованов относился ко второй категории. Работать он не любил и не умел, зато являлся на свое рабочее место строго по расписанию.

Когда он не пришел и к половине одиннадцатого, Карина решила позвонить ему по мобильному. Набрала номер шефа, но равнодушный голос автоответчика сообщил ей, что абонент временно недоступен.

Это было совсем непонятно, и Карина уже не находила себе места.

Пока секретарша так мучилась в своей приемной, двери офиса открылись, и в холл вошли двое молодых людей с непроницаемыми лицами. Внешне они были похожи как братья, различаясь только цветом волос: один – блондин, второй – брюнет.

– Фирма «Контекст»? – осведомился блондин.

– Да, – кивнул рыжий дежурный. – А вы к кому?

– Волованов Александр Николаевич у вас работал? – вместо ответа спросил брюнет.

Карина, которая выглянула в холл из дверей приемной, почувствовала неладное.

– Что значит – работал? – спросила она неестественно высоким голосом. – Он у нас и сейчас работает.

– То есть он сейчас здесь? – уточнил блондин.

– Нет пока, – призналась Карина. – Он задерживается, но скоро должен подъехать...

– Это вряд ли, – разочаровал ее брюнет.

После чего он пересек холл, подошел к Карине и показал ей фотографию. На фотографии был очень мертвый человек, чем-то действительно немного похожий на ее Сусика. То есть на Александра Николаевича Волованова.

– Эй, вы куда? – запоздало спохватился дежурный. – Вы почему без пропуска?

– Почему же без пропуска, – отозвался брюнет и продемонстрировал бдительному дежурному красную книжечку.

Дежурный мгновенно сник.

– Вы узнаете этого человека? – осведомился брюнет, дав Карине возможность как следует разглядеть фотографию.

– Нет... да... кажется, это Александр Николаевич... – испуганно проговорила Карина. – Боже мой! Что с ним? Он умер?

Она побледнела и схватилась за сердце, так что цепочки на ее груди мелодично зазвенели.

Блондин и брюнет со значением переглянулись.

В противоположном конце холла негромко хлопнула дверь бухгалтерии, и появилась Галина Евгеньевна Сусалина. Мгновенно оценив ситуацию, она застыла в дверях, прислушиваясь к разговору. Блондин как раз повернулся к секретарше:

– Скажите, э...

– Меня зовут Карина, – подсказала та.

– Скажите, Карина, у господина Волованова были враги?

Галина Евгеньевна громко кашлянула, желая привлечь внимание Карины и как-нибудь предупредить секретаршу, чтобы та не болтала лишнего. В длинной трудовой биографии Галины Евгеньевны бывало всякое, и она твердо знала: по какому бы поводу ни появилась в фирме милиция, визит ее обязательно закончится проверкой хозяйственно-финансовой деятельности.

Несколько лет назад Сусалина работала бухгалтером в крупном строительном магазине. Как-то в конце дня в торговый зал вломилась три залетных бандита. Они припугнули персонал, разбили физиономию одному слишком ретивому продавцу и забрали всю дневную выручку.

Хозяина, как назло, не было на месте, и, когда бандиты удалились, побитый продавец вызвал милицию. Представители органов приехали примерно через час, но вместо того, чтобы заняться расследованием бандитского налета, потребовали кассовые книги и финансовую документацию. Когда наконец появился хозяин, ему пришлось потратить гораздо больше денег, чем унесли бандиты, чтобы погасить скандал. Слишком ретивого продавца, разумеется, тут же уволили.

Вот и теперь Галина Евгеньевна опасалась, как бы Карина от расстройств не наговорила лишнего.

– Вы меня слышали, Карина? – повторил настырный блондин. – Может быть, господину Волованову кто-то угрожал?

И тут Карина не выдержала.

– Да, ему только вчера угрожала вдова нашего прежнего директора! – выпалила она.

Галина Евгеньевна Сусалина закашляла так громко, как будто у нее внезапно началось двустороннее воспаление легких. Или, на худой конец, бронхит. Но никому из присутствующих не было до нее дела.

– Ну-ка, расскажите поподробнее! – оживился блондин. – Это происходило на ваших глазах?

– Да, я видела все своими глазами! – подтвердила Карина. – И не собираюсь покрывать мерзавку!

Дело в том, что Карина страстно ненавидела Полину Моргунову, хотя для ненависти не имелось реальных, объективных причин. Строго говоря, Карина была незнакома с Моргуновой. Она и видела-то ее всего два раза, и то издали. В основе же ее ненависти лежали представления Карины о справедливости. Понимала же она оную так: справедливо, чтобы у нее, Карины, было много денег, много красивых и дорогих вещей и как приложение к ним – богатый и влиятельный муж, и совершенно несправедливо, если все вышеперечисленное есть у кого-то другого. В частности у Полины.

Не обращая внимания на зашедшуюся кашлем Галину Евгеньевну, Карина проговорила:

– Не собираюсь ее покрывать! Она приехала в офис, силой вломилась в кабинет Александра Николаевича и стала вымогать у него деньги!

– Деньги? – воскликнули в один голос блондин и брюнет и заинтересованно переглянулись.

– О каких деньгах идет речь? – спросил блондин мягким, вкрадчивым голосом. Причем вид у него сделался такой безразличный, какой бывает у сытого холеного кота, который, поймав мышку, внезапно отпускает ее и, кажется, совершенно утрачивает к ней интерес. Хитрый кот сонно зажмуривает глаза, втягивает когти и, кажется, готов спокойно задремать. Но стоит только наивной мышке броситься наутек – как он тут же молниеносно выбрасывает когтистую лапу и прижимает несчастную беглянку к полу.

– О наличных деньгах в сейфе... – проговорила Карина и только теперь почувствовала, что сказала лишнее.

Однако слово – не воробей. И хитрый блондин, как вышеупомянутый кот, уже выпустил когти. Глаза его загорелись, он придвинулся к Карине и быстро произнес:

– Значит, в сейфе находится значительная сумма денег?

– Ничего там нет! – попыталась вклиниться в разговор Галина Евгеньевна.

Однако блондин повернулся к ней и строго прикрикнул:

– А вы не вмешивайтесь! С вами будет отдельный разговор!

– Как нет? Я их сама видела! – воскликнула Карина.

Она настолько вошла в раж, что забыла обо всем. Никаких денег Карина, разумеется, воочию не видела – не такой был дурак Волованов, чтобы делиться столь важной информацией с секретаршей. Впрочем, как показали вчерашние события, Волованов был все-таки круглый

дурак, раз польстился на чужие деньги, не выяснив предварительно, кто их хозяин и что ему, Волованову, будет, если он решит их прикарманить. Но Карина от злости сошла с последних тормозов. Вчера ей удалось подслушать под дверью, что речь шла о деньгах, так что теперь казалось, что она видела их сама. Терять ей было нечего, да и она, как секретарша, ни за что не отвечала, а подгадать Полине вполне могла.

– Ну сейчас мы все и выясним... – подал голос брUNET. – Скоро должен подъехать наш специалист. Кстати, Полину Сергеевну мы тоже пригласили как наследницу фирмы, так что вы сможете повторить свои слова в ее присутствии...

– И повторю! – не унималась Карина. – Я правду говорю и повторю ей в лицо!

– Очень хорошо, – промурлыкал блондин. – Вот мы и проведем очную ставочку. И очень даже скоро.

И в ту самую минуту, словно по сигналу невидимого режиссера, дверь офиса открылась и на пороге появилась Полина.

– Вот она! – воскликнула Карина, указав на Полину пальцем с кроваво-красным маникюром. – Она и вымогала деньги у Александра Николаевича!

– Вы меня вызывали? – сухо произнесла Полина, оглядевшись и безошибочно выделив блондина как главного. А Карину она полностью игнорировала. – Что произошло?

Твердость голоса, решительный, холодный тон стоили ей огромного напряжения воли. Когда ей позвонил милиционер и попросил приехать в офис, она едва не потеряла сознание. Первым побуждением было отказаться, сославшись на болезнь, на перенесенный недавно стресс.

При мысли о неизбежной встрече с милицией у нее вспотели ладони и пересохло горло. Она вспоминала тот страшный день много лет назад... холодную комнату, узкую койку, лампочку под потолком... Нет, это давно пора забыть, давно пора преодолеть старые страхи! И нельзя избегать встречи с милицией – отказ может вызвать ненужные вопросы.

Она согласилась, приехала в офис и теперь старалась держаться как можно более независимо.

– Вы меня вызывали? – повторила Полина.

– Я, – радостно отозвался блондин. – Вот видите, Полина Сергеевна, гражданка утверждает, что вчера вы приходили сюда и угрожали господину Волованову...

– Я?! – переспросила Полина. – Интересно, как я могла ему угрожать? И зачем, собственно?

– Вот вы нам и расскажите, – голос блондина снова стал вкрадчивым, – чем вы угрожали Волованову, чего от него добивались...

– Что за глупости? – фыркнула Полина. – Да спросите самого Волованова...

– К сожалению, такой возможности мы лишены...

– Это она, она! – включилась вдруг Карина. – Я слышала, как она вымогала у него деньги...

– Кариночка! – вдруг вскричала Галина Евгеньевна, излечившись от кашля. – Ты не в себе от шока, выпей водички... Полина Сергеевна, что за невезучая у нас фирма! Позавчера директора хоронили, а теперь вот... Александр Николаевич...

– Что, тоже погиб в аварии? – удивилась Полина. Только брови ее поднялись вверх, в остальном же она осталась совершенно спокойна, хотя один бог знает, чего ей то спокойствие стоило.

– Возможно, – нехотя признался блондин, сердито глянув на бухгалтершу, но та и глазом не моргнула. – Его машина найдена в реке Смоленке. Но в заключении эксперта сказано, что смерть вполне могла быть насильственной. То есть его сначала оглушили ударом по затылку, а потом столкнули машину в реку.

– Ну надо же... – проговорила Полина.

Перед глазами ее встало дно чашки, откуда пил кофе Волованов у нее в доме после похорон. Там над лежащим телом нависала злобная фигура в балахоне, держащая в руке не то нож, не то палку. Она всегда верила в гадание на кофейной гуще, хоть Илья и подсмеивался беззлобно над ней, считая увлечение жены безобидной причудой. Полину еще в юности научила гадать одна старая армянка. И вот – совпало, Волованова действительно убили, но ей нисколько его не жаль.

– Так что вы можете нам сказать по поводу убийства? – напомнил о себе блондин.

– Вы считаете, что его совершила я? – Полина пожала плечами. – Оригинально... Может, объясните, с какой целью?

Она поглядела блондину в глаза и прочитала в них, что его совершенно не интересует, кто и зачем убил заместителя директора фирмы «Контекст» Волованова А. Н. То есть по долгу службы он, конечно, будет расследовать его смерть, но не намерен слишком надрываться. А интересуют его загадочные деньги, о которых наболтала дура-секретарша. Вот тут можно как следует порезвиться. Явно неучтенные деньги, черный нал... Ишь как бухгалтерша кашляет, ясное дело, боится, что милиция кругленькую сумму обнаружит!

– Мы вас пока ни в чем не подозреваем! – встрял в разговор второй представитель милиции – невысокого роста молодой человек с темными волосами.

Полина перевела взгляд на него и поняла, что в отличие от своего напарника он испытывает к ней настоящий интерес. В смысле интерес к раскрытию убийства Волованова.

– Я должен спросить: где вы были вчера с семи до одиннадцати вечера? В данное время, предположительно, наступила смерть Волованова...

– Я была дома, разбирала бумаги мужа, – вздохнула Полина.

– Кто-нибудь может подтвердить ваши слова?

– Послушайте... – Полина повысила голос. – Я только что похоронила мужа. Сами понимаете, у меня нет ни желания, ни возможности приглашать к себе в дом гостей. Больше того – мне никто не звонил, и соседи не заходили ни за солью, ни за сигаретами...

– Хорошо-хорошо, – поспешно перебил ее блондин. – А что вы можете сказать насчет денег?

– Не было никаких денег. – Полина пожала плечами. – И разговора никакого о деньгах не было. Я просила господина Волованова открыть сейф, чтобы поискать там завещание моего мужа.

Тут Полина перехватила взгляд бухгалтерши – та опустила глаза, показывая, что полностью одобряет ее позицию.

– Нашли? – с нескрываемым сарказмом осведомился блондин.

– Нет, – спокойно ответила Полина. – Очевидно, оно дома. Или у нотариуса. Во всяком случае, никаких денег в сейфе я не видела. И, следовательно, вымогать их у Волованова не могла... И вообще, про них сейчас от вас первый раз услышала.

Произнося слово «вымогать», она очень красноречиво поглядела на секретаршу. Вид у Карины становился все более унылый, до нее с трудом, но тем не менее доходило, что Полина – орешек твердый. Однако она решила идти до конца, не сдаваясь. Терять-то ей после смерти Волованова больше было нечего.

– То есть, по-вашему, я вру? – закричала она.

– Разумеется, – процедила Полина. – А может быть, у вас проблемы со слухом. Вы вчера невнимательно подслушивали наш разговор или все не так поняли. Вы вообще очень рассеяны, непонятливы и нерасторопны, даже кофе заваривать не умеете...

Карина вспомнила про вчерашнюю вылитую за декольте чашку кофе и зарычала в бесильной злобе.

– Она просто переживает очень! – затараторила Галина Евгеньевна, бросившись к Карине и, надо думать, ущипнув незаметно ту за аппетитный бок. – Она потеряла близкого человека! У нее с Александром Николаевичем любовь была!

Как видно, бухгалтерша решила перевести разговор на другие рельсы. И весьма преуспела в том.

– Неслужебные отношения? – оживился темноволосый опер. – Стало быть, вы были в курсе личных дел Волованова? Это может быть интересным...

Однако блондину новая информация была совершенно неинтересна, он заикнулся на деньгах.

– У кого ключи от сейфа? – спросил он, перекрывая шум.

– Были у Волованова. – Полина пожала плечами. – Я отдала их ему после похорон.

– Так я примерно и думал, – протянул блондин. – Ну мы, вообще-то, народ предусмотрительный... – Он посмотрел на часы и покачал головой.

И как раз в этот момент входная дверь офиса слегка приоткрылась и в образовавшийся проем протиснулся очень колоритный персонаж – маленький сухонький старичок с аккуратными усиками и редкими, тщательно зализанными волосами. В руке дедок держал небольшой кожаный саквояж.

– Я не ошибся адресом? – осведомился он со старомодной вежливостью, оглядывая присутствующих.

– Нет-нет, Василий Аристархович! – окликнул его блондин. – Мы вас давно ждем!

Василий Аристархович был похож на старого университетского профессора или на виртуоза-музыканта. Однако специальность его была совершенно другой, гораздо менее публичной. От природы он был наделен золотыми руками и удивительно тонким слухом. При таких способностях Василий вполне мог стать первоклассным настройщиком роялей, а может быть, даже скрипичным мастером. Но судьба распорядилась иначе, и он получил редкую, но чрезвычайно большими неприятностями специальность... вора-медвежатника, то есть квалифицированного специалиста по вскрытию сейфов.

В криминальной среде Василия Аристарховича очень уважали, а контактов с милицией ему долго удавалось избегать. Некий майор положил годы на то, чтобы прищучить Василия Аристарховича и отправить его на зону, но медвежатник был хитер и осторожен и умудрялся выходить сухим из воды. Когда же он начал стареть и почувствовал, что его везение может в один не слишком прекрасный день закончиться и тогда придется ему провести остаток своих дней на нарах, старый медвежатник сделал ход конем, резко изменив свой образ жизни. Он полностью завязал с уголовной профессией и предложил услуги старому знакомому, который к тому времени стал уже полковником и большим чином в управлении внутренних дел.

Полковник подумал-подумал и принял предложение.

Василия Аристарховича стали привлекать в тех случаях, когда требовалось срочно открыть сейф или когда нужна была профессиональная консультация. То есть он стал техническим экспертом на службе охраны порядка. Прежние его коллеги отнеслись к такой перемене профессии неодобрительно, но простили старика, сделав скидку на его преклонный возраст.

– Ну что, где у нас пациент? – спросил Василий Аристархович, входя в офис.

– Вот здесь. – Блондин провел его в кабинет Волованова и показал на сейф.

– Простенький, простенький случай! – усмехнулся старик, потирая руки. – Даже как-то неинтересно! Помню, в восемьдесят пятом году пришлось мне заниматься пациентом австрийской фирмы «Юбермейстер»... вот тогда пришлось попотеть!

Он поставил на стол свой чемоданчик, открыл его, достал оттуда белоснежный накрахмаленный халат и медицинский стетоскоп. Василий Аристархович не уважал всевозможные технические новинки и работал по старинке. Он считал, что если человек не может открыть сейф, полагаясь только на собственный слух и на свои руки, то и никакая техника ему не поможет.

Облачившись в халат, бывший медвежатник стал совершенно похож на старого профессора-медика. Блондин с любопытством наблюдал за ним и старался держаться поближе к консультанту, но Василий Аристархович нахмурился и проговорил:

– Ну-ка, отойдите, молодой человек! Не люблю, когда в спину дышат!

Блондин отошел в дальний конец кабинета и уже оттуда продолжал внимательно следить, как старичок, склонившись перед сейфом и приложив к нему черную мембрану стетоскопа, принялся прослушивать его, как легочного больного. Затем он что-то невнятно пробормотал, постучал по дверце костяшкой согнутого пальца, что-то повернул – и дверца открылась.

– Ох, ни фиги себе! – восхищенно проговорил брюнет. – Минуты не прошло! Зачем тогда нужны сейфы, если их вот так запросто открыть можно?

– Что значит – запросто? – обиженно проговорил Василий Аристархович, поворачиваясь к коллегам. – Вы, молодой человек, поработайте с мое... и все равно у вас ничего не получится! Потому что способности иметь нужно! Руки иметь нужно и еще, извиняюсь за выражение, голову! В общем, получите своего пациента, вскрытие произведено...

Блондин заглянул в сейф и тихонько выругался сквозь зубы. Полина приблизилась и увидела все те же папки с документами.

– Я могу быть свободна? – спросила она. – Дел, знаете ли, много...

– Да, конечно, – рассеянно сказал темноволосый. – Но вас, Карина, я еще вызову по поводу убийства гражданина Волованова.

Он вежливо попрощался и закрыл за собой дверь. Блондина в приемной уже не было.

– Ну, слава богу! – выдохнула Галина Евгеньевна, наливая себе стакан воды. Очевидно, от долгого кашля у нее запершило в горле.

Карина плюхнулась на стул Волованова и застыла так, спрятав лицо в ладонях. Плечи ее затряслись, послышались глухие рыдания. Бухгалтерша хладнокровно набрала в рот побольше воды и брызнула на Карину.

– Вы что – с ума сошли? – вскочила та, отряхиваясь.

– Чтобы к вечеру тебя тут не было! – сказала Полина. – Собирай манатки и катись на все четыре стороны. Выплатите ей то, что положено, – и адью! – повернулась она к бухгалтерше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.